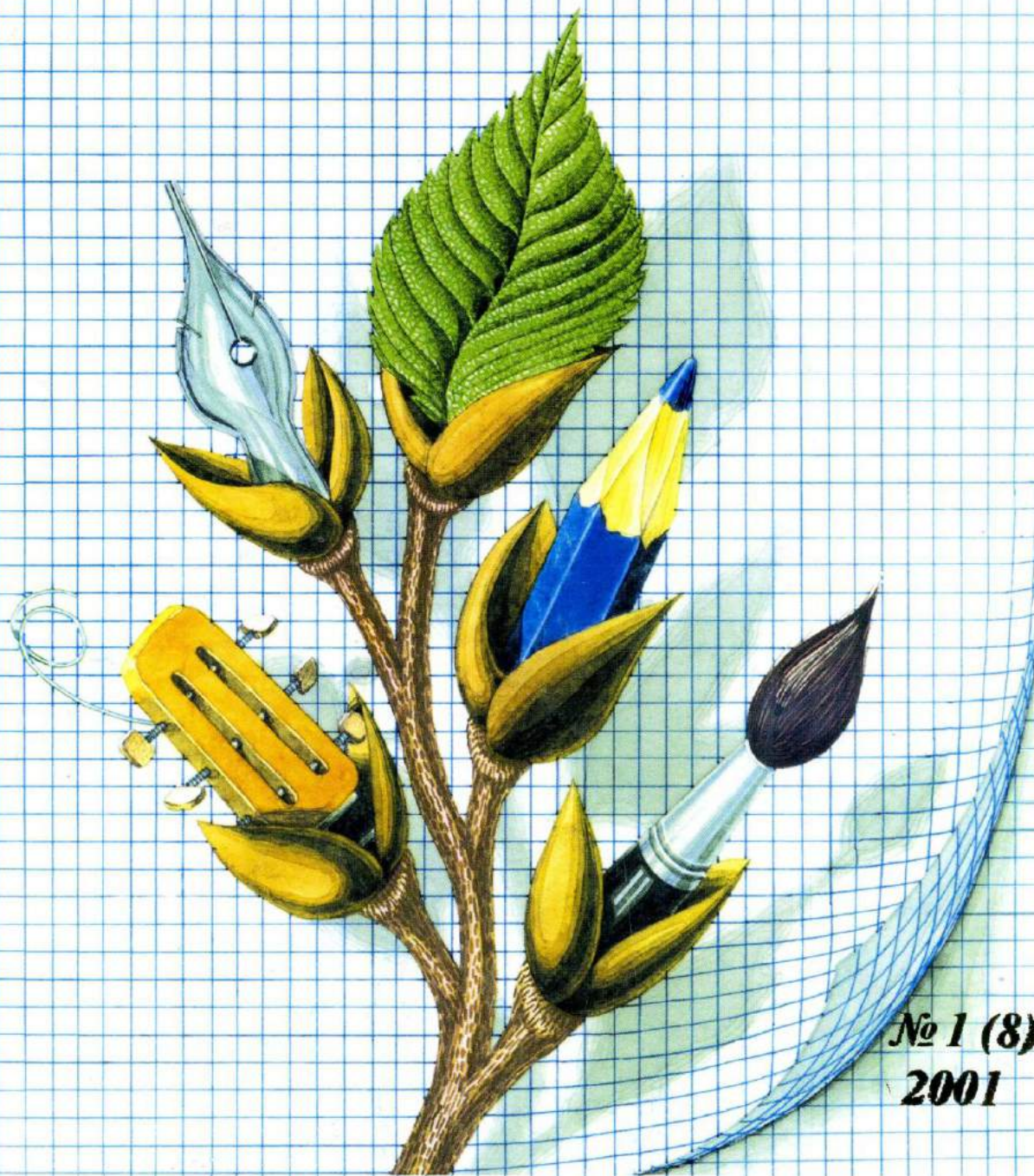

Дервоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 1 (8)
2001

ПЕРВОЦВЕТ

Литературно-художественный альманах для юношества

№1 (8)

Учредитель

Областная юношеская библиотека им.

И.П.Уткина

И.о. главного редактора

С.В. Зубакова

Редколлегия

Л.М. Середкина

А.С. Попов

А.К. Лаптев

Л.В. Иоффе

С.И. Казанцев

В.В. Науменко

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, г.Иркутск, ул.Чехова,10

Обложка

Сергея Элояна

Рисунки в тексте

Е.Ивановой, Н. Паргачевой, Е. Ульяновой

Компьютерный набор

В.А. Попова

Верстка

С.М. Григорьев

Адрес редакции

664011, г.Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

Иркутск

2001

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области

Содержание

Разговор с читателем

А. Стародубцева. <i>Поверь в свои силы</i>	3
--	---

Рифмы Первоцвета

Галина Симон	5
Елена Ефимова	5
Наталья Швец	6
Наталья Алексеева	6
Вера Гульева	6
Евгения Чеботарева.....	6
Глеб Иванов.....	7
Юлия Анищенко.....	7
Инга Седова.....	8

Миниатюры Первоцвета

Александр Ершов. <i>Следствие ведет Любовь Петровна</i>	9
Мария Гефан. <i>Музыка тишины</i>	14
Анастасия Путинцева. <i>Игра</i>	15

Картинная галерея Первоцвета

Владимир Тетенькин. <i>Прикосновения к свету</i>	16
--	----

Литературные объединения Первоцвета

Поэтический клуб «Вдохновение» г. Иркутска	17
--	----

Проза Первоцвета

Екатерина Базарова. <i>Над тайгой идут дожди</i>	19
--	----

«Золотой фонд» Первоцвета

Геннадий Михасенко. <i>Гладиатор Дед Сергей. Рассказ</i>	41
--	----

Репортаж Первоцвета

Алена Тихонова. <i>Сохраним планету</i>	47
Максим Тихонов. <i>Журналист меняет профессию</i>	48
Владимир Петров. <i>Творцы искусства</i>	49
Илья Щеголихин. <i>Тропы войны иркутских кондукторов</i>	50

Улыбки Первоцвета

Григорий Рейнгольд. Отрывок из повести «Один день Григория Борисовича».....	52
--	----

Первоцвет глазами читателей

Отзывы на рассказ «Трезорка».....	54
-----------------------------------	----

Разговор с читателем

Поверь в свои силы

Быть сотрудником юношеской библиотеки в нынешнее время – это, прежде всего, понимать, чем и как живут молодые люди на заре XXI века, каковы их проблемы и чаяния, как меняется с течением жизни мировоззрение вступающего в жизнь нового гражданина, а главное – в чем должна заключаться помощь библиотеки своим юным читателям?

Стремительная компьютеризация практически всех сфер человеческой деятельности диктует необходимость создания в недрах библиотеки Интернет-класса, а также различных электронных баз данных, способных выдавать информацию в считанные минуты. Значительное усложнение школьных и вузовских программ требует усиленной помощи в подборе дополнительной литературы, газетных и журнальных очерков и статей, по мере возможностей – закупки новейших справочников и словарей... Но существует еще одна потребность, упорно возникающая и произрастающая в неустойчивых душах современных юношей и девушек. Это – жажда творческой самореализации. Быть может, вопреки нарастающим темпам технического прогресса появляется все больше и больше творчески настроенных молодых людей, пробующих свои силы в поэзии, прозе, журналистике, драматургии, живописи... Стремление человека к духовным ценностям, к счастью, дает о себе знать во все времена. И главная на сегодня беда для юных литераторов и живописцев – это зачастую отсутствие всяческого отклика на их творчество. И это происходит в то самое время, когда пресса и телевидение кричат о нравственном крахе подрастающего поколения, об угрожающих цифрах роста наркомании, о вытеснении из досуга молодых людей чтения художественной литературы и практически повсеместной замене его компьютерными “битвами с монстрами”...

Областная юношеская библиотека им. И.П.Уткина сочла для себя невозможным не внести своего посильного вклада в поддержку не только истинных молодых дарований, но и всяческой первой робкой попытки создания какого-либо художественного произведения. Так родился альманах “Первоцвет”.

Идея создания альманаха объединила вокруг себя работников библиотеки, опытных редакторов, членов Союза писателей, художников, компьютерных дизайнеров... Активной творческой группой, работающей над “Первоцветом”, двигало одно горячее желание – сделать страницы альманаха доступными, открытыми для всякого, кто желал бы поделиться плодами своего творчества. Был брошен клич от имени редакции ко всем своим потенциальным авторам – несите к нам все, что пылится невостребованным в ваших столах, прячется в блокнотах и школьных тетрадках... Эффект превзошел все ожидания, на стол редактора в огромных количествах ложились стихи, рассказы, заметки, отрывки

из дневников, повести, пьесы, сказки, поэмы, басни, цветные и черно-белые рисунки... И сколько же сразу обнаружилось настоящих “божьих искорок”, ранее никем не замеченных! Со времени подготовки к печати первого номера вокруг “Первоцвета” закипела бурная жизнь; и так отраднo было видеть одухотворенные лица, надежду в глазах, гордость и удовлетворение, когда на страницах альманаха возникали их имена...

Сегодня вы держите в руках восьмой по счету номер “Первоцвета”. Непросто в нынешних условиях поддерживать его жизнь; и здесь надо сказать огромное спасибо всем, кто бескорыстно помогает нам. Это и Комитет по культуре администрации Иркутской области, и творческая группа – писатели, редакторы, художники, и, конечно, оперативная типография “На Чехова”. Главная награда за наш совместный и очень непростой труд по созданию альманаха сводится, пожалуй, к одной фразе, которую произнесла молоденькая девушка Алина Боровская, стихи которой впервые напечатал именно “Первоцвет”: “Вокруг все было так тускло, а теперь я поверила в свои силы. Спасибо, что вы есть”.

Новые строчки. Ясные дни.

Среди догматов и прочего

Быть мне поэтом, или в груди

Всю жизнь носить многоточие?

“Быть мне поэтом?” – спрашивала нас Алина. “Быть мне прозаиком?”, “Быть мне художником?” – то и дело раздаются голоса других юношей и девушек. И хочется им ответить: главное – всем вам быть людьми, жить в этом мире, найти свою дорогу и не пожалеть о своем выборе. Научиться понимать прекрасное, ценить красоту, отделять “зерна от плевел”. И если альманах “Первоцвет” сумеет вам в этом помочь, значит, задача его будет выполнена.

*А.С.Стародубцева, гл. редактор альманаха “Первоцвет”,
зав. редакционно-издательским отделом ОЮБ*

Елена Ефимцева

г. Иркутск, лицей № 3, 9 класс

Эпоха Новолуния

Галина Симон

*Пивоваровская средняя школа,
11 класс*

Время - высшая инстанция,
И зачем его делить?
Что-то позади останется,
Что-то следует прожить.

Дремлет кошка на завалинке -
Лапкою закрыла нос.
Надевает дедка валенки,
Все бормочет, что замерз.

Помню старенький приемничек -
Голос детства моего,
Братик маленький в пеленочках,
Плач навязчивый его.

Отбивает ритмы мирные
На стене кукушки крик...
А кого-то взрывы сильные
Разрывают в этот миг.

Там, в бою, одно мгновение -
Может, жизни всей цена,
Смерти скорбь, слезы забвение
И незнанья пелена.

Время там иначе судится:
Выжил, цел - и снова в бой.
Мир вокруг... Мне детство чудится,
Я была тогда другой.

В новом веке все меняется:
На стене кукушки нет,
Деда нет... Мой брат сражается,
Он в письме прислал привет.

А ведь он все тот же маленький,
У него все впереди,
Он, как прежде, носит валенки
С новой дыркой позади...

Мой длинный сон - глухой и жуткий.
И будто ловит ухом чутким
мой каждый жест и каждый шаг
Ночь Новолуния немая...
Лениво ходики считают
Свое негромкое «тик-так»,

И всякий раз такая штука:
Я в чей-то дом вхожу - без стука, -
А в доме - стынь и полумрак...
Жаль, понимаю я (не сразу):
Опять Луна меняет фазу,
Опять она - мой страшный враг.

Что на своем нести горбу?..
Но все же - не одно и то же:
Всю жизнь почить на мягком ложе,
И - за нее вести борьбу...

...Вдали виднеется Акрополь...
Я вновь бегу по старым тропам,
Теряю по дороге сны... -
Ведь поздно я о том узнала,
Что белая луна пропала,
Пришла Эпоха - без Луны...

Кольцо

Время - без меры, город - безликий,
Люди - без веры и без религий -
Все это носит название «фарс»,
Целую вечность: за сутками сутки
Пляшут минутки под чью-нибудь дудку,
Или - за ниточки дергают НАС?..
Город, что принял сомнительный день
Для постиженья великих идей,
Тоже - без имени и без лица.
Для лицемера и для подлеца
Легче, пожалуй, не сыщешь путей,
Чтобы проникнуть в доверье людей -
В суть бесконечности жизни кольца...

Время в скелет безымянного пальца,
Трижды по кругу обвившись, вросло;
Если б не верить дурацкой примете,
Так бы оно и осталось - в скелете,
Если б его завязали узлом,
Не отпустили б дорогою странной...
Палец пустой; Без - кольца;
Без - ымянный...

Наталья Швец

г.Иркутск

* * *

А зимний вечер был так тих,
Огонь в камине был так ярок.
Стекал слезой скупую стих
В блокнот - прощальный твой подарок.

Тянулась цепь издалека
Обид и сложных обстоятельств,
И горьких маленьких предательств
Мелькала ведьмина рука.

А в зеркале - прохлада глаз
И губ сухих немая складка...
Но нежность - память тайны сладкой -
Во мне надолго прижилась.

Наталья Алексеева

г.Иркутск, школа № 62, 11 класс

Циклон

Циклон берет на севере разбег
И разрывает воздух разогретый
И, как десант, выбрасывает снег
В июньское встревоженное лето.

Июньский снег ложится на сады,
Да так, что ветки мощные ломает,
И пар идет клубами от воды
Как будто пруд тихонько выкипает...

Вера Гульева

С.Хомутово, школа № 1, 11 класс

* * *

Падают, как слезы,
Лепестки цветов.
Почему для счастья
Не хватает снов?

Опустив головку,
Облетел цветок.
И остался жалким
Голый стебелек.

* * *

Два листочка сорвались
С веточки березовой,
И, играя, полетели
За мечтою розовой.

Но когда утих порыв
Ветра шаловливого
Листья, высохши, упали
Возле дома милого.

Евгения Чеботарева

г.Иркутск, школа № 44, 9 класс

* * *

Я тебя понимаю –
Бред.
О тебе многое знаю?
Нет.

К тебе подойду,
Убегу.
Я тебя найду –
Лгу.

Тебя прощу?
Наверное.
О тебе грущу –
временно.

Е.Иванова,
Выпускница Иркутского худож. училища
Педагог А.С. Шитцын

*Н. Паргачева,
Выпускница Иркутского худож. училища
Педагог А. С. Шитицын*

Глеб Иванов

Фил. факультет ИГУ, IV курс

* * *

“Как скучно быть Пиком Яна Чешского”, –
подумал Пик Яна Чешского,
возвышаясь своей заснеженной шапкой
над остальными горами.
“Как скучно! Как холодно!”
“Как тепло! Как здорово!” –
подумал дикарь-одиночка-турист,
пробиравшийся железнодорожными тоннелями
по берегу Байкала.

“Как странно! Человек в тоннеле”, –
подумал машинист товарного поезда,
проезжая мимо.

Солнце и холодный ветер,
Желто-розовый цвет скал.

“Ах, как красиво! Как хорошо!” –
подумала невыспавшаяся
из-за домашних хлопот бабулька,
идущая в гости к своей подружке.
“Ай, ветер! Ну чего ты
задрал мне подол?!”

“У-у-у-у” –
сказал ветер и понес снег к Слюдянке...

“Ой, как хорошо, как тепло стало!” –
сказала бабулька и пошла дальше по шпалам.
Одиночка-турист запрыгнул
на электричку до города;
двигаясь-двигаясь-двигаясь,
Пик Яна Чешского зябко поехал –
все-таки холодно.

* * *

Если б я час назад не пошел к тебе,
написал бы о том,
что сижу, читаю
о светящихся цветах в темноте чащи –

рыцарский роман,
где Прекрасная Дама,
сидя на высоком балконе,
говорит своему рыцарю:
“Господь дал мне печаль,
но да благославит Вас!”

Если б вчера не переводил
“Тристана и Изольду”,
написал бы о том,
как тепел вешний вечер:
в комнате солнце заходит за стул,
роняя светлые отблески
по полу, под стол и кровать,
и сосны пропитаны солнцем,
хотя днем дул холодный ветер...

И сегодня
мы на час забывали про все,
болтая о том,
чего не знает никто,
и не должен знать.
И смотрели в окно...

Юлия Анищенко

г. Усть-Илимск, Иркутский
энергетический колледж, V курс

Лужи

А лужи все глубже,
А лужи все шире.
Становится тесно
В асфальтовом мире.
По ним проезжают машины,
А лужи невозмутимы,
К небесным просторам
С тоскою глубокой
Они устремляют
Свой взгляд обреченно.
Там солнце лучисто
И ветер игривый.
Там облачком чистым
Они быть могли бы.

Инга Седова

выпускница ф-та журналистики ИГУ

* * *

*Я люблю того, кто строит
высшее над собой – и так погибает.*

Ф.Ницше

Извечный выбор дороги: от изображений – к свершенью.
Что проще – создание Бога или сам – Бог?
Но предназначено верить в спасительный книжный шелест,
Тебе – стать замыслом, смыслом написанных кем-то строк.

Я вижу: шагает странник с усмешкою Заратустры.
Под след не пригнулись травы, но горы склонились ниц.
Весь мир – как ладонь ребенка – беспечно-святая пустынь,
А тот человек – лишь музыка, слетающая на лист.

Трехмерный тупик вне времени, и значит, что время – спасением
Ложится – дорога скатертью – к усталым твоим ногам.
И солнце в последнем отблеске уже догорает северной
Звездой, уводящей ищущих к неведомым берегам.

И знать бы, что все закончится осмысленным растворением
В себе. Обретенье истины – стать истиной, онемев.
Я вижу – шагает странник, нашедший себя вне времени,
Вне слов и вне жизни... Тень его и свет его – на земле.

* * *

Нас поглащает сон. Мы наглотались соли,
Словно слепые рыбы, высушенные на солнце
Вместе с камнями, раковинами, вместе с застывшим морем,
Мы умираем, смешиваясь с пеной, с прибрежным сором.

Нежно друг к другу тянемся в жажде прикосновения.
Жалкие наши трупики слипнутся в серой вечности.
Может, во всем – бессмертие. Может быть, все – последнее.
Все наши страхи – выдохни смертью, как ядом, лечатся.

Небо плывет безмерное, нас окатив безвременьем,
Нас наградив безветрием – сном без желанья выспаться.
Раньше мы были первыми – в небе и море. Пленники
неба и моря. Кем же мы были – рыбами или птицами?

Александр Ершов

Студент II курса училища культуры

Следствие ведет Любовь Петровна

Любовь Петровна в Усть-Орде

1

Автобус скользил по гладкой дороге. Любовь Петровна мечтательно смотрела в окно. За ним, сменив леса, мелькали бескрайние степные просторы, зеленые холмы возвышались вдалеке. Проезжая эти места, Любовь Петровна невольно вспоминала детство. Она родилась ила здесь. Сколько лет прошло с тех пор!

Рядом со старушкой сидел Цыренжап Матахаев - ее земляк, бурят, работавший ринаром на ферме. Это был человек с обросшим щетиной лицом, вечно ходивший в френче и куривший самокрутки.

- Голодный год будет нынче, - вздохнул Матахаев, - одним огородом жить придется...

- А что с вашими коровами? - спросила Любовь Петровна.

- Украли, гады! Утром выгнал пастись, а вечером как не бывало. Все три исчезли!

Юбще, странные вещи творятся в нашем поселке...

- Что вы имеете в виду? - удивилась Любовь Петровна.

- Да так, - отвернулся Матахаев, - не обращайтесь внимания...

2

В поселке Любовь Петровну встретила сестра - все звали ее тетя Фрося, - простоватая упитанная женщина с вечно зачесанными назад седыми волосами.

Вечером они пили чай с картофельными лепешками, беседовали о жизни.

- Слышала, у Матахаева коров украли? - Любовь Петровна открыла банку с молоком.

- Знаю я, знаю, - тетя Фрося уставилась в точку на стене. - Нечисто тут дело... Участковый весь район объездил - коровы словно в воду сгнули... Не видел их никто, не продавал... Старуха Агриппина, она у нас гадалка, говорит, якобы коров украли духи. Раньше ведь им, как жареха, всегда на поляну мясо приносили, а сейчас... Разгневались духи...

Тихо постучали в дверь, и на порог вошел Матахаев:

- Можно к вам?

- Будешь чай, сосед? - предложила тетя Фрося.

Матахаев сел на лавку, переминая в руке замасленную кепку:

- Не откажусь. Говорят, за ягодой уже ездят. Вчера приезжали с пасеки, так уж два ведра земляники привезли. Зеленая, правда, но ничего, есть можно.

- Так на чем поедем-то? - Любовь Петровна протянула Матахаеву кружку с горячим чаем.
- Я только мотоцикл отремонтирую, так сразу и рванем. Много, однако, наберем...
- Слышали? - вдруг шепотом прокричала тетя Фрося. - Под нашим окном кто-то прошел.
- Тебе показалось, - успокоила Любовь Петровна.
- Нет, я точно слышала. Кто-то осторожно пробирался огородами...

Матахаев надел кепку:

- Поковыляю домой. А то, гляди, не только коров - все со двора утащат. Ходят тут всякие...
- Даже чаю не отхлебнул! - взмахнула руками тетя Фрося.

3

На следующий день Любовь Петровна зашла к Матахаеву и застала его у стола мертвенно-бледным. Он держал в руке какую-то бумажку.

- Прочтите, - Матахаев протянул бумажку старушке. - Только что нашел в ящике для писем.

Откашлявшись, Любовь Петровна громко прочитала:

- «Если хотите увидеть ваших коров, приходите сегодня на поляну к сломанному столбу в 23 часа 30 минут».

- Можно мне пойти с вами? - старушка отложила записку. - Время уже одиннадцать...

- Чувствую я, не к добру дело. Странно все это... Да, фонарь забыл в подвале! Я мигом...

Матахаев скрылся в темноте подвала.

- Вы не должны рисковать! - Любовь Петровна захлопнула крышку и задвинула засов.

- Я иду одна!..

4

Ночная прохлада неприятно знобила кожу. Под ногами, нарушая гробовую тишину, стрекотали кузнечики - зеленые жители травяных мест.

Темнота поселилась вокруг, лишь звезды мерцали в небе и еле-еле - огоньки домов в поселке.

«Надо же! - думала старушка. - Почему я сама не догадалась взять фонарик?..».

Любовь Петровна подошла к сломанному столбу - тому самому месту, о котором говорилось в записке. Ощущение чего-то кошмарного, нечеловеческого не давало покоя. Мысли крутились тревожно, одна за другой.

Старушка почувствовала рядом нечто огромное, источающее опасность.

- Кто здесь? - Любовь Петровна попыталась нащупать что-то в темноте.

Внезапно яркий свет ударил в глаза...

5

Лучи утреннего солнца озаряли небольшой степной поселок. Эхом раздавались охрипшие голоса собак, просивших завтрака, где-то вдалеке пастух гнал на поляну коров.

Тетя Фрося беспокоилась за сестру. Старые часы отбили уже шесть утра, а Любовь Петровна еще не появлялась.

Наконец, в дверь постучались, и тетя Фрося немедленно отворила.

- Вернулась! - бросилась она сестре на шею.

Любовь Петровну сопровождал высокий человек в милицмейской форме.

- Участковый Воронин, - представился он тете Фросе. - А вам, Любовь Петровна, выносятся благодарности за помощь в задержании опасного преступника.

- Объясните, что случилось? - удивилась тетя Фрося.

Любовь Петровна присела на табуретку:

- Все началось с того, как в автобусе Матахаев сообщил мне, что у него украли коров. В рассказе ветеринара я сразу уловила ложь. Уже в поселке я узнала, что у него из тюрьмы сбежал племянник. Я была почти уверена, что беглец обратится за помощью к своему единственному дяде, который в детстве всегда его понимал. И любящий племянника Матахаев просто-напросто отдал ему своих коров. Чтобы не вызвать подозрения, Матахаев налево и направо рассказывал, что его коров украли. Рассказ, кстати, весьма правдоподобный. Но что же делает племянник? Такой помощи ему оказывается мало, и он решает поселиться у дяди... в подвале. На эту мысль меня натолкнули загадочные шаги вчера вечером. Не кто иной, как преступник, которого разыскивают, мог пробираться к дому поздно вечером и огородами с целью остаться незамеченным. Я хотела подтвердить свои подозрения, и тогда сама написала Матахаеву записку, которая, как я и ожидала, сбила его с толку. Матахаев испугался, полез в подвал, чтобы предупредить племянника. И там я закрываю их обоих.

Потом иду на поляну, где меня и встречает вызванная заранее машина участкового. Нельзя было, чтобы он появлялся в поселке сам: так он лишь спугнул бы преступника. Правда, неожиданно включенные фары автомобиля немного напугали меня...

Вмешался участковый Воронин:

- Я буду настаивать на том, чтобы Матахаева не судили слишком строго. Ведь стариком двигали человеческие, родственные чувства. Такое следует учесть.

- Ну! - Любовь Петровна встала с табуретки. - А нам пора в огород. Пока нет жары, надо прополоть капусту. В деревне, как говорится, встают с петухами!..

Письмо из Цаган-Жалгая

1

Тихим летним вечером Любовь Петровна сидела в гостях у своей подруги Капитолины Акимовны Аворд, пожилой, похожей на Шапокляк писательницы.

- Алеша, принеси, пожалуйста, чая! - попросила Капитолина Акимовна своего квартиранта. Алексей Скорняков, снимавший у Аворд комнату, помогал старушке, за что та снижала ему плату.

- Славный молодой человек, - обратилась Капитолина Акимовна к Любови Петровне, - если что, он всегда рядом...

- Вижу, тебе неплохо живется, - сказала Любовь Петровна.

- Брось ты! Голова в последнее время часто болит, да еще это письмо...

- Какое письмо? - удивилась Любовь Петровна.

В комнату вошел Скорняков подносом в руках. На его круглом доверчивом лице сияла широкая простоватая улыбка.

- Спасибо, - поблагодарили хозяйка, - и еще принеси, пожалуйста, письмо, что пришло позавчера.

- Это то странное? - уточнил Скорняков.

Капитолина Акимовна кивнула, и Скорняков вытащил из комода распечатанный конверт.

- Вот, - Капитолина Акимовна взяла письмо в руки, - ни за что не угадаешь, от кого оно. От моей сестры, которая сгорела в своем доме два года назад. Жила в деревне Цаган-Жалгай... Я

как прочитала, так мне сразу плохо стало... Пишет о своем здоровье, быт-е-жизнь... Число здесь стоит за прошлую неделю, и на конверте написан ее точный обратный адрес.

- А почерк? - уточнила Любовь Петровна.

- И почерк, ты не поверишь, - ее, точь-в-точь! Я даже со старыми письмами сравнивала ... Любовь Петровна внимательно посмотрела на конверт:

- Это новый конверт, такие только недавно в продажу вышли... Странно... А ты веришь в потусторонние силы?

- Конечно, нет! Что за глупости! Хотя, если сказать по правде, я не придавала письму такого уж большого значения. И никто кроме тебя не знает, даже Алеша, что это за письмо.

2

Ночью у Капитолины Акимовны, не давая заснуть, сильно болела голова. Железный будильник зловеще тикал в глубокой тишине. Где-то у соседей замыкает кошка, под полом поскребется голодная мышь... Аворд приподнялась с кровати, чтобы взять таблетку, как вдруг.... дикий, зловещий хохот нарушил ночную тишину: рядом со своей кроватью Капитолина Акимовна увидела женский силуэт...

Капитолина Акимовна закричала и бросилась вон из комнаты...

3

Капитолина Акимовна сидела в кресле, придерживая на лбу холодную примочку:

- Всю ночь глаз не сомкнула, будто чувствовала неладное. Поднимаюсь за таблеткой и вижу ее... Я как закричу - и бросилась на кухню. На мой крик сразу Алеша прибежал, успокаивать стал. Сходил в мою комнату, проверил. Никого, говорит, там нет..

- Так и есть, - подтвердил Алеша, сидевший рядом. - Вам, Капитолина Акимовна, наверное, показалось.

4

- Нет, я точно видела человека... И этот страшный, нечеловеческий смех...

- Это все из-за письма, - сказала Любовь Петровна, - оно сбilo тебя с толку... Советую тебе поехать вместе со мной в деревню, где жила твоя сестра, и все самим выяснить...

Аворд посмотрела на Любовь Петровну:

- Думаешь, моя сестра жива? А вдруг она и вправду не умерла?..

- Не будем гадать, - ответила Любовь Петровна, - разберемся на месте...

После обеда Любовь Петровна и Капитолина Акимовна отправились на вокзал, чтобы поехать в Цаган-Жалгай.

- А вдруг, - с надеждой в голосе говорила Капитолина Акимовна, - моя сестра не сгорела тогда в том доме? Может, она где-нибудь долго скрывалась...

- Все может быть, - отвечала Любовь Петровна, думая совсем о другом.

Уже на железнодорожной платформе Любовь Петровна неожиданно схватила подругу за руку:

- Боже мой, нам нужно немедленно вернуться обратно, иначе может случиться нечто очень страшное... Отправляемся в ближайший милицейский участок...

Милицейский автомобиль, не прекращая гудеть сиреной, с огромной скоростью мчался по городским улицам.

Подъехав к дому Капитолины Акимовны, два сотрудника милиции, вооружившись автоматами, выскочили из машины и мигом бросились в подъезд. Старушки едва поспевали за ними. Поднявшись на нужный этаж, они обнаружили, что дверь квартиры Аворд открыта.

- Не двигайтесь! - закричал милиционер, ворвавшись в квартиру. Трое в масках, находившиеся в комнате обернулись.

- Снять маски! - скомандовал милиционер. Старушки, спрятавшись за широкой спиной капитана, затаили дыхание. Капитолина Акимовна коротко вздохнула, когда в одном из грабителей узнала... Скорнякова...

5

Хорошо ранней осенью в парке. Желтые листья приятно ложатся под ноги, устлая тротуары мягким ковром. Прохладный ветерок поднимает опавшую листву, красиво кружит ее в воздухе и вновь опускает обратно на землю.

Любовь Петровна и Капитолина Акимовна сидели на скамейке под ветвями тополя.

- И как ты могла догадаться, что Скорняков окажется моим двоюродным внуком, и в то же время жалким преступником? - вздохнула Капитолина Акимовна.

Любовь Петровна задумчиво посмотрела на небо:

- Вспоминаю тот день, когда ты рассказала мне о загадочном письме. Никто другой, кроме Скорнякова, не мог написать его. Я точно помню, как молодой человек сказал про письмо: «Это то странное?», хотя, по твоим словам, ты ему письмо не показывала. Являясь внуком твоей сестры и раньше часто живя у ней в деревне, Скорняков унаследовал не только ее почерк, но и манеру говорить. Вот почему тебе показалось, что письмо пришло от сестры.

Зная, что ты живешь в этом городе, Скорняков разыскивает тебя. Но вместо того чтобы представиться как нужно, молодой человек решает дело более выгодно для себя. Снимая комнату, он думает обокрасть квартиру. Ему нужно, чтобы ты немедленно уехала отсюда... Скорняков пишет это письмо, пытаясь выбить тебя из колеи. Нарядившись ночью, пугает тебя, имитируя дикий смех с помощью включенного диктофона. Один раз я заметила, как Скорняков записывает на кассету что-то с радио. Наконец, когда мы уезжаем, он добивается своего. А уехать следовало бы, чтобы застать Скорнякова врасплох. Сразу после нашего ухода он подзывает своих дружков, и вместе они обкрадывают твою квартиру. Вовремя мы подроспели...

- Надо же, - сказала Капитолина Акимовна, - а я помню Алешу еще мальчишкой. Бегал по деревне, играл... Потом вместе с родителями уехал далеко отсюда... С тех пор я его и не видела. Как же я в нем ошиблась....

- Ничего, - Любовь Петровна улыбнулась и похлопала подругу по плечу, - еще не настала пора грустить!..

Музыка тишины

Я понимаю, что корни деревьев исходят из земли. Я понимаю, что звезды растут на небе. Закат плачет, оттого что больше не может кричать. Море слишком солёное, оттого что в нём много слёз и отчаяния. Я понимаю, что бабочки умирают от разрыва сердца. Стон мотыльков и плач стрекоз намного громче шума многолюдных улиц. Я понимаю, что песни скрипучих колёс намного мелодичней песен птиц. Музыка тишины величественней музыки гениальнейшего из композиторов. Пустота знает больше образов, чем лучший из поэтов, а ветер намного мудрее любого мудреца. Я понимаю, что слёзы тяжелее олова. Песок - это камни, которые слишком любили море. Я понимаю, что в любой реке больше забвения, чем в вине. Пустынные улицы полны звуков. Трава мудрее соломы, хотя намного моложе. И ещё я понимаю, что не понимаю ничего. Но как я счастлива от этого, о, как я счастлива...

* * *

Я люблю серые скучные дни. Я люблю грязные города. Я люблю дома с облупленной краской. Я люблю почерневший снег. Я люблю людей с пустыми и скучными глазами. Лишь в серости я могу различать ту красоту, которой поклоняюсь. Лишь среди уродства мне открывается прекрасное. Я различаю голоса богов в шуме многолюдных улиц. Я слышу музыку в грохоте трамваев и грузовых машин. И я взлетаю, сидя в салоне замёрзшего трамвая.

* * *

- Вот и лужи покрылись льдом, вот и листья опали, - сказал пожилой мужчина, сворачивая газету.

- Да-да, вот именно, пора подметать аллею, - сказала женщина в чёрном пальто. - И что только думают деревья. Как листьями кидаться - они первые, а вот убрать чтобы... Стоят себе, молчат.

- Да, вот уж где наглость, - сказал пожилой мужчина.

- А тут ещё осенний ветер, молодой нахал, разбросал листья по всей округе.

- Что за молодёжь пошла, делают, что хотят.

- Куда мы катимся, - сказала женщина в чёрном пальто, вздохнула и пошла дальше.

* * *

- Мама, я хочу кушать, - сказала Олечка и посмотрела на мать голодными глазами.

- Ну, так давай есть облака - очень лёгкая пища.

- Нет, я не хочу опять есть облака.

- Ну, тогда давай есть солнечные лучи. Их и подогреть не надо.

- Нет, мама, лучше я поем эту мерзкую манную кашу.

- Ха-ха, чудная ты у меня, Олечка, - сказала мать и погладила дочь по белокурой голове.

* * *

На одинокой улице тихо. Ни снега, ни слёз, ни дождя. Лишь иногда слабые порывы ветра нарушают её смиренный покой. Словно тени давно позабытых мыслей, стоят деревья, вонзив свои корни в нежную плоть земли. Вот и луна. Блуждающее отражение прошлогодних снов вновь поёт свой гимн холодным звёздам. В лёгком шелесте листьев рождается новая гармония звуков. В свете луны всё видно так, как оно есть. Этот свет расставляет всё по местам. Здесь рождаются красота, покой и нежность.

Игра

С чего же все началось? Четыре месяца подряд мы вместе посещали одни и те же курсы, ничего не зная друг о друге. Пара взглядов, почти неощутимое притяжение - взаимный интерес был не настолько сильным, чтобы кто-нибудь из нас решился взять инициативу в свои руки. И это был как раз тот случай, когда любая возможность кажется дарованной свыше.

У нас было несколько таких возможностей, и все они - из ряда тех головокружительных совпадений, от которых нежно сжимается сердце. Их удивительная непостижимость заставляет предполагать, надеяться. Они так редки, но всегда бьют точно в цель. В этом мире все взаимосвязано. Логика, что может быть восхитительней тебя? Следуя ей, невольно становишься фаталистом. Ведь многие из наших встреч были случайны, о них мы не договаривались. Потому-то у меня было странное чувство, будто кто-то подталкивает нас друг к другу.

Я не хотела, чтобы нас связывало какое-то серьезное чувство. Ведь дружеские отношения, спокойные и размеренные, без намека на пошлость, где все просто и ясно, - разве это не прекрасно?

Где вы, светлые апрельские дни? Тогда такие отношения еще были возможны. Я не давала себе увлечься, но все же не могла не заметить, как ты украдкой наблюдаешь за мной, как не могла не заметить, что ты ищешь, упорно ищешь то, что могло бы нас крепче связать. Ведь у нас мало общего. Можно сказать, почти ничего: разные интересы, увлечения, друзья, мечты.

Что было, чего не было - кто же теперь вспомнит, разберет, отличит робкую мечту от реальных встреч? Полунамеки, полуфлирт - и я стала понимать, что просто дружба невозможна. Встреч было мало, но их насыщенности событиями, эмоциями можно было только поражаться. Я чувствовала, что играть роль беззаботной кокетки с каждым днем становится все труднее.

Любовь моя - чистая, пронзительная, с терпкой тайной и нежной тоской. Вроде забудешь, отвлечешься, а какая-нибудь мелочь вновь напомнит чарующую пластику движений, уверенность осанки и внимательные серо-зеленые глаза. Обаятельная и горькая тайна. Я пыталась убедить себя, что это просто глупость, но трудно переспорить сердце, которое хочет любить, может любить и любит.

Любит... Что за странные встречи! «У меня мало времени», «Когда зайду, не знаю, я очень занят», «Я к тебе ненадолго» - я слышала это слишком часто! Но никогда не удерживала тебя.

О себе ты говорил очень мало. Врать не умел и предпочитал отмалчиваться. И однажды я не выдержала:

- Послушай, если у тебя нет времени на меня, значит, я тебе не нужна, верно? Давай тогда расстанемся.

- Ты меня выгоняешь?

- Нет, просто мы так редко видимся...

Ты мог неделями не давать о себе знать. А потом вдруг появиться и встать на пороге с видом побитой собаки.

- Ты? Заходи, раз пришел.

- А ты впускаешь?

О, мой гибкий Ромео! Стройный и подтянутый, с темными завитками волос и теплой, чуть

смугловатой кожей. Я отчаянно защищалась от твоей своеобразной красоты, но была совершенно безоружна перед твоей наивностью.

- Я что-то делаю не так?

- Ты пропадаешь на целый месяц, я схожу с ума, не знаю, где ты, что с тобой, придешь ли вообще!

- Но если я буду заходить чаще, я тебе надоем.

И я начала сомневаться в том, что хочу тебя видеть.

Мы слишком плохо знали правила этой игры. И она должна была быстро закончиться. Впрочем, два года - не такой уж малый срок.

... Мы и теперь иногда встречаемся - город маленький, никуда не денешься. Я с трудом узнаю его: лицо как-то заострилось, движения гибкого тела стали более развязными, хотя по-прежнему завораживают меня своей пластичностью. Но что это за человек, чем он живет, о чем думает, я не знаю. И мне кажется, что я никогда этого не знала.

Картинная галерея Первоцвета

Прикосновение к свету

Оценивать творчество художника - задача непростая, потому что искусство вообще и искусство живописи в частности очень индивидуально, и каждый воспринимает его по-своему. Сергей Осинцев огромным трудом выработал свое видение мира, нашел свою методику его отражения на полотнах, краски для создания удивительного колорита своих работ.

Закончив художественное училище, Сергей сразу включился в активную творческую жизнь. В чем же заключается обаяние его работ? Он влюблен в то, что пишет. Давайте рассмотрим в его картины, почувствуем их... На полотне под названием "Старый дом" мы видим ветхое деревянное жилище, стоящее в ряду других домов. Должно быть, когда-то в нем жила большая, дружная семья (величина строения говорит сама за себя). А сейчас только в двух окнах горит печальный свет - светлая грусть... Маленький лучик надежды среди тихой, тоскливой безысходности.

Во всех работах молодого художника таится, быть может, им самим еще не осознанное ощущение сложности жизни и желание выразить это по-своему. Картины Сергея в меру декоративны и убеждают своей правдивостью. В них нет заученности. Они разные как по тематике и цвету, так и по пластике.

Работы Осинцева лиричны, их хочется рассматривать. Он находит главное для каждой картины, смело отмечает детали, которые мешают раскрытию основного содержания. А такое отношение к творчеству и есть самый верный путь.

В.Тетенькин,
Заслуженный художник России

Осинцев С.В. «Осень», х./м. 34х64, 1999 г.

Осинцев С.В. «Старый дом», х./м. 53х42, 1995 г.

Осинцев С.В. «Портрет дочери», х./м. 60x45, 1995 г.

Поэтический клуб «Вдохновение»

г.Иркутск, школа № 30
руководитель Л.В.Башагина

Юлия Пирожкова, 9 класс

* * *

День за днем... И так бегут недели.
Скоро лето. Скоро вновь дожди.
Отшумели снежные метели,
Ждем тепла. И небо шепчет: «Жди,
Жди весну, жди - скоро снег растает,
Воздух тот, которым дышишь, вновь
Станет теплым, солнце не оставит
Ни на миг тебя... Весна... Любовь...
Почки, листья, радости, желанья -
Все проснется! Холод сбросит тень!»
.. Так душа от Бога обещастья
Получала в самый черный день.
В этот день, где одиноко рыщет
В поисках спасения душа,
Все теряя, только помощь ищет,
Все теряя, бродит не спеша...

Александр Неверов, 7 класс**Лучше**

Жук полз по высокой,
Изумрудного цвета траве.
И думал о том...
Впрочем, он думал
Ни о чем.
Он просто жил,
Не так, как мы, -
Лучше.

Юлия Зимачева, 7 класс

* * *

Я веду рукой по краешку неба
И ногами стою на закате,
Там я вижу, как месяц играет
И поет колыбельную солнцу...

Наталья Савинская, 7 класс

Капелька дождя

Капелька дождя проделала огромный путь.
Она играла в волнах океана,
Потом взлетела к небесам
Не капелькой воды, а капелькою пара.
Затем летала в облаках
И вновь упала дождейкой малой.
Спустилась в океан и вдруг задумалась:
«Ну почему я должна летать только в одном порядке?
Я хочу наоборот: из дождя в облака,
Из облака - паром в океан,
Из океана - дождейком подняться вверх».
Она попробовала, и у нее получилось.

Как я хочу, чтобы всем, кто поверил в себя,
Так же, как ей, повезло.

Наталья Минеева, 7 класс

* * *

Солнечный лучик проник через шторы,
словно кусочек иной жизни,
И стал играючи переливаться в вазе.
Тысячи маленьких осколков заискрились в хрустале.
В один миг осветилась вся комната,
Как освещается земля, когда падает звезда.

Алена Бибкова, 7 класс

Что такое дождь?
Это капельки росы,
Блестящей на белых лепестках ромашки.
«Не грусти! Пройдет дождь, и будет все:
То же солнце ясное и ромашки белые».

Екатерина Базарова

г.Иркутск, школа № 19, 10 класс

Над тайгой идут дожди...

*Дорога отнимает из моей жизни все случайное
и ненужное и всегда приобщает меня к главному.*

В.Осипов. Усинский тракт

Ночевка на перевале

Шел конец июня. Мы уезжали в поле, на реку
Онот.

Нас было пятеро, шофера звали Владимир
Яковлевич Медведев, машина была маленькая такая,
с брезентовым верхом, очень неудобная.

И вот она, долгожданная дорога. Серое
бесконечное шоссе...

Я не знаю ничего лучше дороги. Любой - хоть
железной, хоть проселочной, хоть шоссе, хоть
таежной тропы. Дорога - это лучшее, что есть на
свете.

Ровно мчалась машина, тяжело дышала
овчарка Дина. Потом ей стало плохо.

- Я говорил маме, чтобы не кормила! - сердился
Леша, вытирая пол тряпкой, которую дал
Медведев. - Нет, дала куриных косточек... «Я
немного!..» Вот оно и вышло, немного...

Дина была молодая рыжеватая собака, очень
милая и веселая, еще совсем щеночек. Обратное в
машину она не хотела, прыгала вокруг, бегала от
хозяина. В конце концов Леше надоело за ней
гоняться, он забрался в машину и помахал собаке
рукой:

- Дина! Дина Андреевна! Я поехал!

Динка заскочила в машину следом за хозяином,
и мы покатали дальше.

Дорога - это счастье. За счастье, как известно,
обычно хоть немного, но борются. Мне пришлось
бороться с родителями - они не хотели отпускать
меня на Онот. Но разве я виновата, что прошлая
поездка, на Урик, не удалась? Виновата, что отпуск
папы с мамой пришелся как раз на этот месяц?

А мама говорит:

- Мы же еще зимой в поход собирались!

Ну, собирались. Ну и что? А теперь надо уезжать с Галечкой, и я не могу идти в поход... Подумаешь, шли бы с Серьгой. Правда, он в лагерь собирался... Ну, все равно. Можно вообще вдвоем идти.

Меня спрашивали, почему мне так хочется ехать с Галей в поле.

- Что там, медом намазано? - удивлялась мама.

- Это же не настоящие геологи, - сказал папа и пояснил: - Настоящие - это когда много народа, и старики, и молодые, большая партия, когда техника есть... А тут что? Одна-единственная лошадь! Вот дожила наша геология. Вот в советское время...

- Ну, где же ты сейчас такую партию найдешь... - вздохнула мама. Меня все же отпустили...

Я очень боялась, что нам снова не дадут коня.

В поселок Олот мы приехали в пять часов вечера. Остановились у деревянного дома с высоким забором, за которым надрывалась собака. В этом доме жил охотник, собравшийся идти с нами. Охотника надо было каким-то образом позвать. Медведев попытался сигналить, но сигнал не работал. Тогда Леша повис на заборе и стал звать хозяина:

- Максимыч! Максимыч!

Откликнулась только собака. Водитель все давил на кнопку сигнала и в конце концов сказал, что сигнал, видимо, детишки сломали. Тут появился Максимыч - невысокий худой пожилой человек в белой рубахе и сапогах. Быстро переговорив о чем-то с Лешей, он кивнул и скрылся. Мы поехали на геологическую базу.

База эта больше всего походила на заброшенную стройку - штабеля досок кругом, бревна, какие-то развалины... Безлюдно. Тихо. Внизу плавно несет свои воды Олот. Здесь нам предстояло переночевать, а на завтра двинемся в путь-дорогу.

Мы поставили палатку недалеко от большого муравейника, привязали Дину - чтобы не бегала и не лаяла на местных жителей, принялись готовить ужин. Динка выкопала яму и улеглась в нее.

После ужина Леша отправился к хозяину коня, а мы остались ждать. Я сходила на реку с Лешиним спиннингом, но ничего не поймала. Да я на спиннинг раньше почти не ловила.

Леша вернулся часов в девять, сообщил, что скоро придет машина и отвезет нас на пять километров выше по реке и что надо собираться. Мы быстро свернули палатку, сложили рюкзаки и долго сидели, ожидая машину.

Смеркалось. Холодало. Появился мелкий таежный гнус-мокрец... А я все думала, настоящая это дорога или тоже скоро порвется. Но нет... Мокрец кусался, ветер шелестел по кустам, мычали невдалеке коровы, в траве жужжал, пытаюсь взлететь, запоздалый майский жук... Все настоящее. А впереди длинная - на двадцать дней - дорога.

Уже в темноте пришла маленькая коричневая машина вроде той, на которой мы сюда приехали. Заднее сиденье убрали и на освободившееся место уложили вещи. Рядом с водителем уселся тот самый Максимыч в черном плаще и с ружьем на коленях. Мы примостились на вещах под самым потолком. В полной темноте машина поскакала по ухабистой дороге.

Мы тряслись с полчаса. Кругом темнота. Впереди мечется огонь фар. На ином ухабе так подкинет, что затылком стучаешься о брезентовый верх. Когда, наконец, приехали на место, то мужчины отправились искать дрова при свете фар, а мне Женя дал карманный фонарик, и я светила, а Галечка ставила палатку. Раза три я ногами проваливалась в какие-то ямы. Фонарик гас и не хотел включаться.

Развели костер. Максимыч достал лепешки. Мы сейчас находились на горе, высоко над рекой, и воды здесь не было. У

нас были с собой бутылки, у Максимыча - берестяной тусок. Мы с Галечкой легли пораньше. Я уже задремывала, когда в палатку залезли остальные. Нас набилось пять человек, и стало довольно-таки тесно. Тем не менее, я заснула счастливая, потому что было главное - тайга и дорога... И значит, можно спать спокойно.

Но спать спокойно не получилось - нас замучила мошка, знаменитый таежный гнус, мокрец, который лезет в глаза, в нос, за шиворот и от которого не избавишься никаким образом. В придачу было жарко и тесно. Я крутилась, как волчок. Рядом шипел и ворочался Женя. Мошка кусала в лицо, в руки, в ноги - где только могла достать. Я опустила закатанные рукава рубахи, но мокрец грыз пальцы. В спальник не залезешь - жарко. Сверху не ляжешь - кусают. Лицо я накрыла энцефалиткой, но стало душно. Вдруг среди всей этой возни, шорохов, тихих ругательств чей-то ясный голос сказал такие слова:

- Щас как поддам в бок, не посмотрю на звание!

Все разом замерли. Стало тихо. Я лежала, не обращая внимания на мошку, и думала: «Кому в бок?»

Уснуть мы смогли только на рассвете, когда исчезла мошка.

Клещовник

Этим же утром я по-настоящему, хоть и ненадолго, заблудилась в лесу. Стоило мне только отойти на сотню метров от лагеря, как я уже не понимала, в какую сторону надо идти, чтобы вернуться назад. Где лагерь? Вокруг были одинаковые деревья. Мы ночевали где-то выше, на седловинке... Я выскочила наверх. Ничего. Внизу - белая лента Оюта. Вокруг - тайга. Я пошла наугад. Потом крикнула несколько раз. Ответа не получила, но где-то слева залаяла собака, и через минуту я вышла на дорогу, по которой мы вчера приехали.

Вороного пятилетнего жеребца звали

Мальчик. Хозяина, невысокого, хитроватого на вид мужичка в пятнисто-защитного цвета костюме и броднях - Василий. Собака Василия прозывалась человеческим именем Инга и была маленькая, беленькая и пушистая. Ощущая себя старшей, она тут же погрызлась с нашей Динкой, которой было всего девять месяцев. Несмотря на малый возраст, Динка дала смелый отпор. Принялись завьючивать Мальчика.

- Катя! - позвал Леша. - Ты с ними дело имела, иди поддержи, - он сунул мне ременный повод от уздечки.

Какой красивый конь Мальчик! Поменьше тех, которые у нас на ипподроме, но с длинной гривой и хвостом, и ресницы у него тоже длинные, а глаза иссиня-черные, большие... Он покосился на меня одним глазом, ткнулся мордой в рукав и опустил голову.

Две огромные вьючные сумы (мы их еще называли баулами) повесили по бокам коня, прицепив к вьючному седлу. Сверху укрепили лодку, пилу и другие вещи. Когда Мальчика завьючили, Василий взял его за повод и повел по тропинке. Мы потянулись следом.

Сначала идти мне было легко, и рюкзак казался не очень тяжелым, но потом начался такой трудный подъем, что у меня потемнело в глазах. Василий уже поднялся на гору и теперь улыбался, глядя на нас. Да, я представляю, как мы выглядели - те же вьючные лошади. Хорошо хоть нежарко, пасмурно.

В половине второго мы пообедали около большого зимовья. Потом подошли к первому прижиму, где заупрямился Мальчик. Здесь надо было идти по каменному карнизу над водой. Конь боялся. С него сняли вьюки. Василий потянул за повод. Мальчик - ни с места. Василий дернул со всей силы, и с коня слетела уздечка. Вдвоем с Максимычем они понукали коня, тянули и скоро, потеряв терпение, стали материться. Мальчик стоял как вкопанный. Тогда Василий с помощью Максимыча залез на него и ударил по бокам

каблуками. Конь переступил на месте, в реку посыпались камни, и Василия с Мальчика разом как ветром сдуло.

Леша выломал хорошую хворостину, залез на склон и сверху принялся охаживать Мальчика. Василий и Максимыч матерились в два голоса. Мальчик и ухом не повел. Тогда Василий схватил какой-то мешок и сунул коню прямо под нос:

- Ты, кажется, комбикорм любишь? Ну, иди, иди, я тебя угощу.

Мальчик тянет длинную морду к мешку. Каюк сыплет комбикорм на камни, получается такая «вкусная дорожка». Мы загатаиваем дыхание - Мальчик шагает вперед... И вдруг снова пятится. Василий, Максимыч, Леша и Женя хором орут на него - и конь идет дальше.

Мы шагаем полтора-два часа без перерыва, потом привал минут на десять - и снова вперед. На привале я без сил валюсь на рюкзак и несколько минут сижу без движения. Потом подворачиваю получше голенища бродней, достаю «Дэту». Мазаться надо обязательно, потому что клещей много. На каждом привале мы снимаем друг с друга одного-двух, давим их ногтями и выбрасываем. Хорошо, что здесь нет моей мамы - вот кто боится клещей до дрожи! Послушала бы она, как мы спокойно говорим друг другу:

- Смотри, вот еще один...

- Где?

- Да вон, за шиворот заполз.

У нас удобные костюмы - клещ не может забраться в штанины, потому что те заправлены в сапоги, и под энцефалитку, потому что она заправлена в штаны. Остается только воротник, но шеи мы мажем «Дэтой». Мажем еще руки, лица, волосы. «Дэта» должна помогать и от мокреца, но это малозаметно. Мошка кусает. Средство защиты разъедает укусы. Все лицо болит и чешется.

К вечеру мы пришли в какой-то клещовник - трава по пояс и березовый лес. Ну, зато конь может пастись всю ночь. Василий развел ему дымокур, привязал на

длинную веревку, взял у нас лодку и уплыл на другой берег Оното, где есть зимовье. Там он заночевал. А мы устроились здесь - поставили палатку, развели костер, сварили борщ. У нас много картошки, есть морковь, свекла, так что можем часто варить супы. Когда мы поужинали, начался дождь. Дождик был мелкий и скоро перестал.

«Чтоб она пропала, мошка проклятая! Сколько времени?» Тьма крошечная. Я напрасно вглядывалась в циферблат своих часов. Зато мокрец не терял времени даром - он глодал мои пальцы.

Эта ночь хуже первой. Устали, как собаки, а мошка спать не дает. И тесно... Я тоскливо размышляла, не пойти ли ночевать к костру. Но ведь там, наверное, еще хуже... Пока я раздумывала, из палатки выбрался Леша. Стало не так тесно, я накрыла голову и руки энцефалиткой и задремала. Как и прошлой ночью, мошка исчезла лишь на рассвете.

Зимовье на Михалках

Утром мы поднялись распухшие от укусов, невыспавшиеся, усталые. Погода не переменялась - все те же тучи, все та же морось... Первые утренние разговоры не о чем ином, как о мошке и тесноте.

- Теперь я знаю, как чувствуют себя кильки в банке... - сообщил Женя. - И когда их кусают, кусают, кусают! - на последнем слове он с ожесточением почесался.

Подошел Максимыч в черном плаще. На него гавкнула Динка и отбежала на всякий случай.

- Ну-ка! Ишь я тебе! - вяло прикрикнул на собаку Леша.

- Алексей! - сказал Максимыч. - Ты зачем коня палкой ударил?

- Я?

- У него на спине кожа лопнула.

- Может, валялся по траве да и напоролся на что-нибудь? - предположила Галечка.

Конечно, мог напороться. У нас на

ипподроме кони тоже валяться любят...

После завтрака вернулся с того берега Василий. Стали завьючивать коня, предварительно привязав его к дереву. Он затанцевал и отдал Леше ногу. Однажды на ипподроме мне тоже наступил на ногу один конь... Больно. Они же тяжелые, кони.

Обедали мы после длинного прижима. Снова пришлось развьючивать Мальчика и перетаскивать вещи на себе. Камни были мокрыми, скользкими от дождя. Потом повели коня.

- Но! Но, пошел! - несется с горы. Димка с вожделением смотрит на копченое сало.

Зимовье Максимыча стояло на речках Михалках - Малая Михалка и Большая Михалка. Зимовье среднего размера, с «верандой» - крыша выдавалась вперед козырьком, а под этим навесом стояли деревянный ларь, нарты, висели на стене какие-то инструменты. Максимыч первым делом кинулся к стоявшей на ларе большой закопченной кастрюле и снял с нее крышку.

- На, пощупай воду! - сказал он мне и сунул свой палец в кастрюлю, где виднелись темные бесформенные куски.

- Что?

- Холодная вода! Не должно бы испортиться, верно? Давай ваш котел.

Я достала котелок, Максимыч вытащил из кастрюли куски мяса.

- Галюха! На, варить будете. Тут одна мякоть. Ты его порежь помельче, - он показал, как надо резать, и ушел помогать Василию. От мяса как-то неприятно несло.

- Соленое... Стояло, поди, целый месяц, - тихонько сказала Галечка.

Мясо порезали, залили водой, поставили варить. К костру подошел Леша.

- Плохо-то нам от него не станет? - кивнула я на котел. - А то папа рассказывал, как у них в отряде наелись свежей медвежатины и все потом бегали.

- Ну, это не свежее, - успокоила Галечка.

- А может, медведь был плохой? - предположил Леша.

- Хороший был медведь.

- Молодой? Упитанный? Шкура блестела? Это, конечно, были шутки.

- Про шкуру не знаю, меня там не было. Им от мяса плохо стало...

Пока мясо варилось, мы решили попить чайку. Достали хлеб, сало, отошли от костра на ровное место, разложили на дровах продукты. Не успела я выпить и полкружки, как в чае кишела мошка! Я выплеснула остатки, взяла кусок хлеба с салом. Мошка облепила пальцы. Тем временем Женя рассказывал о том, как познакомился со своей невестой Таней в бассейне и какие у него хорошие отношения с будущей тещей:

- Мы уже знаете сколько водки вместе выпили!

Мне очень хотелось дослушать такую занимательную историю, но мокрец кусал прямо нестерпимо, и я была вынуждена спасаться бегством в дым костра. Стемнело. Ужинали мы в зимовье. У печки сохли сапоги, носки и портянки. Мы сидели на нарах перед длинным столом из ящика и хлебали суп из макарон с той самой соленой изюбятиной. У изюбятины был какой-то неприятный привкус, но все равно было вкусно. Леша достал водку, разлил мужчинам. Выпили. Максимыч стал разговорчивее обычного и все чаще и чаще вставлял в свою своеобразную речь такие слова, что Леша просил:

- Максимыч! Не ругайся.

Трещали дрова в железной печке, горела на столе керосиновая лампа, свет дрожал на темных стенах с торчащими ключьями мха. В зимовье сунулись собаки - Максимыч рывкнул на них. Стал рассказывать, как спасался от всяких хворей медвежьим жиром и прочими таежными снадобьями. По-моему, он в душе немного врач, потому что говорил об этом уже не первый раз. Потом почему-то перешел на другую тему. Сказал, тыча Василия пальцем в бок:

- А вот его я боюсь. Он боксер... Ну, ладно, ладно! Всякое у нас бывало... - Максимыч хлопал по сутулым плечам нашего мрачного каюра. На улице было прохладно. Я села на

деревянный ларь справа от двери. Затухал костер. Из зимовья вышел Женя.

- Ну, как тебе Максимыч? - поинтересовался он, закуривая. - Много ненормативной лексики употребляет, правда?

- В классе у нас - не меньше.

Из зимовья донеслось одно из выражений охотника и очередная просьба:

- Максимыч, не ругайся!

- Ладно, девчонки меня простят!

Мы с Женей разговорились. Я узнала, что он, когда учился в школе, состоял в туристической секции и ходил на Шумак. Я была там три года назад, мы заходили через Шумакский перевал, а они - через какой-то другой. Часов в двенадцать, а то и позже мы легли спать: Галя и я на одних нарах, Василий и Максимыч на других, Леша и Женя на полу. Максимыч задул лампу, стало темно и тихо.

- Максимыч, простите за нескромный вопрос, - сколько вам лет? - вдруг поинтересовалась Галечка. Выяснилось, что ему скоро будет семьдесят.

- Больше пятидесяти мне вообще никто не дает!

Это верно, не похож он на старика - и волосы еще черные, и бегаёт, как олень. Мы вон как умотались за этот день, а ему хоть бы что.

- А у вас в отряде никто не болен? - продолжал Максимыч «врачебную» тему.

- А то у меня градусник есть. Температуру можно смерить... А вашему Женьке завтра ногу смажу, и все зарастет... (Женя стер ногу еще в первые дни).

- Однажды палец я порезал. Намазал медвежьим жиром. Все заросло, а ведь большой был порез! После прихожу к врачу, она мне: «Ты что делаешь, ты же заразиться мог!» А я не заразился, и все заросло...

Некоторое время все молчали в темноте.

- Что-то у меня пальцы на ноге зудят, - сказал вдруг Максимыч.

- Смажь скорее чем-нибудь! - вскрикнул Василий, а мы расхохотались.

Утром, потягиваясь на нарах, я думала: «Как хорошо-то! Как тепло, мягко, никакой мошки...» Маленькое окошко было затянуто полиэтиленом. Снаружи по нему катились капли дождя.

Дождь... Вот это нехорошо. В дождь камни осклизлые, трава и кусты мокрые, тропа скользкая, упадешь - грязный, как свинья, будешь. Нет, по тайге лучше всего ходить в пасмурную прохладную погоду, когда и не жарко, и дождя нет.

Я вышла из зимовья. У мокрого кострища блестела консервная банка. На черной земле, усыпанной щепками и всяким мусором, собирались лужицы. Внизу по реке стлался туман, закрывая противоположные горы. Галя смотрела в небо, выглядывала просветы. Их не было - обложной дождь.

- Доброе утро, - сказала я.

- Доброе утро, - откликнулись товарищи. Леша спрыгнул с деревянного ларя:

- Садись.

Мокрая Динка свернулась клубком у меня под ногами. Инга что-то вынюхивала у костра.

- Когда выходить будем? - грустно спросила я, глядя на туман, ползущий у подножья гор.

- Да мы, наверное, сегодня не пойдем, - сказала Галечка. - Куда под таким дождем?

«Не пойдем? Это хорошо!» - обрадовано подумала я.

Помню, как восходили мы на пик Порожистый во время одного нашего «семейного» похода. Лил дождь. Из-за тумана мы видели вокруг только метра на два-три, и когда достигли, наконец, вершины, то узнали ее только по каменному туру, накрытому небольшой, круглой и очень тяжелой железной плиткой.

На дождь смотреть было тоскливо, и мы вернулись в зимовье. Минут через пять Галечка решила все-таки приготовить чай, а мы с Лешей легли на нары, закрылись

спальником и сладко задремали.

Дождь прекратился уже к обеду. Женя и Василий ушли расчищать тропу. Леша отправился на рыбалку. Я сидела у костра и жалела, что не взяла в поле свою семиметровую телескопическую удочку. Галя спала в зимовье. Максимыч слушал радио.

Вернулись Василий и Женя. Максимыч вышел им навстречу:

- Сейчас сижу, слушаю радио. Вдруг там говорят: «Поцелуйте Галю!» Я чуть-чуть не поцеловал!

Когда проснулась Галечка, он и ей повторил эту историю. Она смущенно посмеялась и пошла проведать рыбака. Мы с Женей остались варить суп. Прошло с полчаса. Начальство где-то застряло. Да, Галя с Лешей - это наши начальники, Галя - по научной части и официально, а по настоящему командир - Леша. Он нанимает коней, ведет переговоры с местным населением, выбирает место для табора и прочее в том же духе... Так вот, суп остывал, а начальство рыбачило. Мы ждали целый час, пока не надоело. И есть хотелось.

- Пошли посмотрим, что там у них...

Мы пошли и почти сразу встретили рыбаков с уловом. Леша поймал трех хариусов. Эх, была бы у меня удочка!.. После ужина все собрались у костра. Мальчик лежал у своего дымокура, подогнув под себя ноги. Изредка его одолевал сон, и тогда он ронял свою дивную морду. Мы все смеялись, а Максимыч сказал:

- Василий! У коня голова обгорела.

Василий дергал клещей из Инги. Она сжалась и повизгивала. Галя слила остатки супа в Лешину миску и поставила перед Динкой. Я уже привыкла к интересному обычаю, заведенному в этом отряде: собаку здесь кормят или из хозяйской миски, или вовсе из котла.

Наконец, Василий выбросил последнего клеща в костер и отпустил Ингу. Она сразу кинулась к Дине и куснула ее, отгоняя от миски. Короткая возня, визг - и собаки разбежались, а миска перевернулась.

- Дуры вы обе, дуры, - сказала Галечка печально.

Путь до Богдашки

Тропа становилась все хуже и хуже и, наконец, совсем потерялась. Василий ушел ее искать. Следом за ним пошел Женя, который уже бывал в этих местах. Мы долго ждали обоих, а потом решили идти на берег и готовить чай. Галя достала сухари, сахар, заварку, оставалось только разыскать сало. Сало лежало в рюкзаке у Жени, Галя стала искать и найти не смогла. Стали звать хозяина рюкзака.

- Женя! - гаркнул Леша на весь лес.

- Женька! Где сало, ядрена вошь! - завопила Галечка.

- А, вот оно, - сало было извлечено на свет, мы забрали остальные вещи и пошли на берег.

Сегодня мы планировали дойти до самой речки Богдашки, но из-за плохой тропы потеряли уйму времени. Пришел Василий. Стали пить чай, не дожидаясь Женю. Прошло с полчаса - он не появлялся. Василий выстрелил два раза, потом они с Лешей решили идти искать. Тут Женя, наконец, пришел.

- Тропа поверху идет! - заявил он.

Пока все расспрашивали Женю о тропе, Инга внимательно обнюхала продукты. На меня она не обратила внимания, потому что я, не шевелясь, сидела у костра. Инга схватила огромный шмат копченого сала и неспешно потрусилась по тропинке. Я сразу вскочила, закричала, замахнулась на нее - собака уронила сало и спряталась за Василия.

Потом решили дальше с конем не идти - тропы нет, а без тропы коню очень плохо. И так он у нас уже два раза ногой в ямы проваливался. Василий на прощание пожал нам всем руки и ушел, уводя за собой Мальчика. Леша пошел их проводить. Женя сел пить чай.

До Богдашки мы все же не добрались.

Сначала прятали вещи - все за один раз унести было невозможно; потом продирались

без тропы сквозь заросли на берегу, переходили какие-то протоки и в конце концов затаборились среди шиповника и клещей.

- Наш Леша - чемпион! - объявила Галечка, снимая с командира девятого (!) за эти полдня клеща. - Клещ заслуживает мучительной смерти. Утопим его, - и клещ улетел в реку.

- А у меня самочка, - сказала я. - Что бы с ней сделать?

- Ну, оторви ей лапки, - предложила Галя.

Расправившись с клещами, мы развели костер, поставили палатку, поужинали и быстро легли. Посреди ночи я проснулась только один раз от громкого:

- Какая лошадь, ты в палатке!

Мошка, может быть, и кусалась, но я не чувствовала.

А утром у меня как-то резко испортилось настроение. Не знаю, почему. Как-то все надоело, что ли... Лицо распухло, чесалось, я не выспалась. Солнце еще светило, но с верховьев Онота уже шли непроглядной стеной тучи. Сырые сапоги, провонявшая «Дэтой» энцефалитка... Да что говорить! Вся романтика геологической жизни исчезла, и больше всего мне хотелось спать. Совсем плохое было настроение. Может, погода действовала или мошка, или потому, что впереди был тяжелый путь без тропы за спрятанными вещами.

Наверное, такой у меня был убитый вид, что Леша поглядел и спросил без обычной своей насмешливости:

- Ты не болеешь, нет?

Конечно, я помотала головой. Мы сели завтракать. Галечка тоже с утра была мрачна, и только Женя веселился, рассказывал нам, как в детстве ссорился с матерью.

За эти три дня я присмотрелась к геологам, даже к Гале. Я ее и раньше часто видела - она же сестра моей мамы - и считала добрым и всегда веселым человеком. Галечке удивительно шли квадратные очки с толстыми стеклами и длинная коса, закрученная на затылке. В поле я быстро поняла, что и Галя может злиться не хуже мамы.

Увидела я и то, как относятся друг к другу геологи, - очень вежливо, очень по-доброму, что ли... Меня это удивило (в наших походах такого не было), и мне еще в первый день стало как-то неловко за свои манеры. Все тут заботились обо мне, как о самой младшей, - тоже как-то неудобно... Галечка и раньше часто звала меня Катюшей, и Женя стал звать также.

С Женькой было легко, почти как с Галечкой. Он очень простой - и лицо некрасивое, добродушное, и волосы рыжеватые, и даже геологический костюм какой-то обтрепанный, обвисший, под стать хозяину.

Алексей Сергеевич был совсем другим. В первую очередь бросался в глаза его рост. Потом - его наряд: пятнисто-зеленые куртка и штаны, которые были все в дырах. Из-за этих штанов они поспорили с Галечкой.

- Алеша! Але-ша! - говорила она маминым голосом. - Сейчас же дай их сюда, я зашью. Что это такое, ходишь, как оборванец!

Мы с Женей засмеялись.

- Да Галя Ивановна, ну... Ядрена вошь! - возмутился Лешка.

- Але-ша!...

В конце концов Галечка все же забрала у него штаны и поставила большие заплаты.

У Лешки и внешность была необычной, ну, по крайней мере, не такая, как у Жени. Лицом он походил на кавказца, а когда в поле оброс бородой, то стал похож на разбойника. И так интересно - лицо смуглое, борода черная, волосы тоже темные, а глаза серые, светлые.

Характер у Алексея Сергеевича был весьма многогранный. Иногда он мог в пять минут довести человека до инфаркта своим ехидством, а в другой раз - ну просто ангел. Но большую часть времени Леша смеялся над всем и над всеми. Нам всем он дал клички: Галечка - Медведица, я - Сайгачиха, Женя - «супруг». Чей супруг? Мой, разумеется, надо мной Лешка больше всего любил подшутить. А супругом Женю прозвали после

одного случая у зимовья, про который еще будет сказано.

Галя много рассказывала мне о Леше, в большинстве это было хорошее, но кое-что, конечно, и не совсем. Леша пил (много) и курил (тоже много - две пачки в день). «Да, - говорила Галечка, - не нравится мне, что он пьет. А так-то он добрый и заботливый... Иногда».

В общем, нравился мне Лешка и нравился весь наш малочисленный отряд. Конечно, потом всякое бывало, но все же хорошо мне жилось, может быть потому, что я была самой младшей. Женя был старше меня на десять лет, Леша - на тринадцать, Галя - на двадцать шесть. А мне было тогда пятнадцать, я закончила девятый класс.

Полдня мы таскали на табор спрятанные продукты. Потом пообедали, и начальство отправилось смотреть брод, а мы с Женей остались стеречь лагерь. Появилось солнышко, потеплело, делать нам было нечего, и потому мы залезли в палатку да и «закемарили», по Женькиному выражению, до самого вечера.

Базовый лагерь

- Дина! Дина Андреевна! Я пошел... Я пошел!

Динка стояла в воде, растерянно глядя на удаляющуюся лодку. Леша помахал собаке рукой и взялся за весла. Женя в красном спасательном жилете сидел на корме, на огромной выючной суме. Женька один из всего отряда не умел плавать, и для него взяли этот спас-жилет. Светило солнце, легкий ветерок шумел в кронах берез, и над самой водой кивал нежной головкой маленький синий колокольчик.

Динка поплыла. Ее сносило сильным течением.

- Дина! Дина Андреевна! Я тут!

- Дина, Дина. Плыви сюда, родная! - кричал Женя.

Динка выбралась на берег метров на десять ниже лодки. Вот молодец! Такая

маленькая, а переплыла большую реку.

Галечка укладывала продукты во выючную суму и вслух придумывала меню к дню рождения Лешки (седьмого июля).

- Сделаем, наверное, торт «Муравейник» и чебуреки... - она внимательно оглядела пакет с печеньем. Наверное, на него кто-то по ошибке сел. - Все раскрошилось. У меня желание налить сгущенки прямо сюда, да и слепить в виде торта.

- Это как пирожное «Картошка»? Галя, давай сделаем! Я их никогда не ела.

- Давай. Жаль только, какао нет.

Когда Леша пригнал лодку назад за следующим грузом, Галечка объявила:

- Мы решили вместо торта сделать пирожное из печенья. Как ты на это смотришь?

- Да делайте, Галина Ивановна, как хотите! Я не возражаю.

Вчера, вернувшись из разведки, Галечка и Леша рассказали про брод, и оказалось, что вода высокая и переправляться небезопасно. Стали решать, как поступить: плыть на лодке или идти вброд. Галя стояла за лодку. Вообще-то все боялись за меня. У меня был самый малый рост и вес, потому меня сносило, я в этом убедилась еще на Усан-Голе (мы переправлялись через эту речку позавчера). Решили плыть на лодке - это было и быстрее, и безопаснее.

Мы переправились быстро. Когда сворачивали лодку, небо потемнело. Донеслись отдаленные раскаты грома. Мы забеспокоились. От Максимыча нам было известно, что выше по течению стоит зимовье, где сейчас живут два охотника, но они вот-вот уедут, и тогда мы сможем там поселиться.

Оставив нас наедине с мокрой лодкой, Леша ушел на разведку. Вернувшись, он объявил, что зимовье пустует. Это понятно - на промысел ушли. Не успели мы перетащить вещи к зимовью, как пошел дождь. Зимовье было с «верандой». Мы устроились на рюкзаках и выючных сумках. Дина рылась в вонючей мусорной куче. Леша изредка орал и замахивался на нее, но собака

лишь отбегала на пять шагов и вновь возвращалась к прерванному занятию. Когда дождь усилился, она пришла к нам под навес. Грохнуло всего раза три.

Дождь монотонно шумел в траве и кустах, капли шлепались на землю и стучали по крыше. Я задремала, уронив голову на руки. Уснули Галечка и Женя. Спала, свернувшись клубком, Дина Андреевна.

Когда гроза закончилась, мы стали решать вопрос о месторасположении базового лагеря, а короче: где жить - в палатке или в зимовье?..

Женя горячо стоял за зимовье. Галя морщилась и говорила, что, во-первых, с охотниками будет тесно, а во-вторых, в своем лагере сам себе хозяин. Леша пока размышлял и, кажется, переходил на сторону Гали. Мне было все равно, тем более, если начальство решит, спорить будет уже бесполезно. Меня только мошка пугала. Ведь в палатке загрызет!

Мы пообедали. Рядом с костром у охотников был аппарат, который мы сперва приняли за самогонный, но потом поняли, что он служит для перегонки серы. Аппарат состоял из фляги, которой служил старый огнетушитель, шланга и большого деревянного сундука с отверстием, из которого виднелись потеки серы. Мы решили, что во флягу заливают воду, над костром ее кипятят, пар идет по шлангу в сундук, а в сундуке находятся сита с листовничной корой. Сера плавится и стекает на дно, а оттуда - через отверстие течет наружу в какую-нибудь посудину.

После обеда Галя и Леша ушли искать место для базового лагеря. Я поставила греть воду для мытья посуды и села у костра. Минут пять было тихо. Потом вдруг послышались шаги, и из кустов появился охотник.

Он выглядел, как в кино: защитно-пятнистые куртка и штаны, сапоги-бродни, пестрый платок на голове, карабин за плечами. Бросил жадный взгляд на котел:

- Исть варишь? - спросил он и, не дожидаясь ответа, стремительно прошагал к

зимовью, где стоял Женя.

Они быстро переговорили. Охотника звали Анатолий. Женя сразу стал называть его просто Толян. Анатолий был не против того, чтоб наш отряд жил в этом зимовье. Он даже пообещал дать нам изюбрядины и уже двинулся было за мясом, но Женя закричал ему вслед:

- Толян, погоди! Придет начальство - и все решим.

Анатолий выпил кружку чая и ушел. Минут через десять вернулись начальники. Охотника они встретили по дороге и нашему рассказу не удивились. Заинтересовались только, когда Женя вдруг сказал:

- А нас тут уже поженить успели.

- Как это? - удивились Галя с Лешей.

- Ну, Толян спрашивает: «Это кто у костра, твоя супруга?» Я говорю: «Нет...».

Вот после этого-то случая Женю и прозвали «супругом», а меня - «супругой». Как Леша скажет что-нибудь вроде: «Какой заботливый супруг!», так все мы хохочем. Я однажды говорю Гале:

- Да какой Женька мне супруг, у него же невеста есть!

- А может, ты ему больше понравишься!
- отвечает моя тетка.

- Ну да, как же... Танечка о нем каждый час думает... И он о ней.

Но это все шутки. Народ у нас в отряде подобрался такой, что всегда шутил, и я быстро к этому привыкла. Может, не всегда шутили красиво, но всегда очень смешно. По решению начальства мы устроили базовый лагерь выше по течению Богдашки, метров за триста от зимовья.

Ночью пошел дождь. Видимо, палатка протекала, потому что Галечка утром очутилась в луже. Дождь шел часов до трех дня. Мы пилили дрова, ставили навес над костром, заклеивали дыры на пленке и вымокли, как черти. Когда навес был готов, дождь кончился. Галя отправила наших мужчин к охотникам за обещанной изюбрядиной, и мы с ней принялись готовить торт и чебуреки к праздничному ужину. Торт мы сделали в виде колбасы из печенья и

сгущенки и назвали его «колбасень».

Леша и Женя вернулись уже в сумерках и ужинали мы в полной темноте. Ели торт, чебуреки, шоколад. Мясо, которое дали охотники, поставили на огонь вариться.

Долго сидели мы у костра в эту ночь. Леша рассказывал про Китай, где в свое время учился полтора года. Потом, в два часа ночи, рубили дрова на завтра. Наконец, ближе к трем мы с Галей легли спать. Я уже задремала, как вдруг в палатку сунулся Женя и сообщил, что сейчас будет салют из ракетницы и желающие могут выйти посмотреть. Галечка повернулась на другой бок. Я выскочила из палатки. При свете костра мы разыскали ракетницу, и каждый выстрелил по разу. Зеленые ракеты долго падали, освещая кусты и блестящую, бурлистую от перекатов поверхность реки.

На следующий день снова шел дождь. За охотниками должен был прилететь вертолет. В три часа дня они пришли и сообщили, что вертолет не прилетел и они вынуждены сплавляться по реке на лодке. Женя пошел провожать их до «Щёк» - так назывался страшный порог на Оноте. Вода там неслась в каменной теснине, и пройти это место на лодке было практически невозможно. «Щеки» белели от пены. Грохот можно было услышать издали...

Вернуться Женя обещал вечером или завтра утром.

Сегодня мы легли рано. В палатке было свободно. Дину мы привязали к дереву под навесом, потому что она ходила вся в клещах, и брать ее в палатку было нельзя. У начальников сегодня было очень хорошее настроение. Спать им, видимо, не хотелось, и они стали петь песни. Я еще никогда не видела, чтобы люди пели, лежа на спине. Дина вторила им тоскливым подвыванием.

День, когда на небе не было солнца

Ясным утром восьмого июля Галя с Лешей собрались идти в маршрут.

Двустволку Леша взял с собой, мне же

была оставлена ракетница.

- Супруга не пристрели, - сказали мне. - Он вот-вот придет... А, он уже!..

Среди деревьев появился Женя. За плечами у него был рюкзак, а в руках - большая миска, похожая на маленький тазик.

- Дары для супруги несет, - сказал Леша.

«Дарами» оказались изюбриные потроха, и предназначались они вовсе не «супруге», а Дине Андреевне. Она их есть не стала, и миску убрали в тень под дерево. Кроме потрохов, Женя принес пять хариусов на кукане и большой кус желтой серы.

Мы сидели на таборе - Женя, Дина и я.

День был очень жаркий. Динка спала под кустом, Женя - в палатке. Я развесила на кустах все наши мокрые пленки, вытаскала проветрить спальные, постирала рубашку, высушила сапоги и носки, сама помылась до пояса. Вода в Богдашке ледяная. В Оноте тоже... Про Онот Максимыч любопытную историю рассказывал: как дождь, так Онот желтеет. Почему? Ответ прост: здесь, недалеко от Богдашки, есть глиняный ручей. Во время дождя его размывает, и готово: течет Онот желтый, как масло. Мы это уже видели позавчера, во время грозы, на обеде у зимовья. Женя полдня спал, потом пошел мыться.

Вечером, приготовив ужин, мы ждали начальство. Женя вытаскал сигареты:

- Покурить, что ли...

Вдруг его осенила прекрасная мысль, и он предложил мне:

- Давай вместе покурим!

Я бы согласилась - интересно же... Но что-то меня удержало. Может, Лешкины недавние слова о том, что ему курящие женщины не нравятся. А скорее всего, я испугалась, что узнает Галя. Узнает, расскажет родителям, а с ними лучше не связываться - на неделю настроение испортят.

- Я не умею.

- Научу, дурное дело нехитрое... - Женя выдохнул дым. - А из спиртного что-нибудь пробовала?

- Вино. Папа однажды пьяный пришел, сначала мы с ним песни пели, а потом он бутылку достал, себе налил и мне тоже. Ну, еще шампанское по праздникам.

- А пиво? То, которое нам Лешкина мама давала, жигулевское, надо было попробовать.

- Я бы попробовала, да вот Галя...

- А, тетка! - Женя рассмеялся. - Ну, про водку я уж не спрашиваю, хотя водка - это вещь!

Полосой прошла гроза. Над нами грохочет, молнии, ливень стеной, а совсем недалеко, над соседними вершинами, - синее небо. Мы гадали, задела ли гроза Лешу с Галей. Через полчаса - еще одна гроза. На этот раз все небо затянуло.

Галя и Леша пришли усталые, мокрые, Галя - с головной болью. Когда у нее голова болит, она становится не то чтобы злой, а скорее тихой и невеселой. И я в таких случаях очень боюсь что-нибудь сделать не так. Галечка ругаться не будет, я знаю, но просто не хочется, чтоб ей хуже было, у нее и так здоровье слабое, бабушка говорила.

Да и весь наш отряд какой-то больной: у Гали голова, у Лешки сердце, у Жени ноги. А про зрение участников нашей экспедиции мама сказала так: «Леша носит одну контактную линзу, Галя все время в очках, Катя очки не носит, но все равно ничего не видит». Нормальное зрение было только у Жени.

Поповское зимовье

Выше по течению Богдашки стояло Поповское зимовье. Наши начальники решили, что лучше будет перебраться туда дня на три-четыре: оттуда удобнее ходить в маршруты по Зун-Богдашке и Бурун-Богдашке.

Идти было недалеко, но по пути нам пришлось несколько раз переходить реку. На одном броду мне на пояс привязали страховочную веревку. Леша перешел на тот берег и подтягивал другой конец. Галя и Женя страховали меня по бокам. На середине реки мне стало почему-то очень смешно - я представила, как мы все со

стороны выгладим. Перед самым зимовьем было еще два брода. Здесь обошлись без веревки: Лешка крепко ухватил меня за локоть и перевел, а Галя шла сбоку.

Поповское зимовье было незаурядным: в нем - изобилие литературы. На чердаке - треугольном пространстве между потолком и крышей - находилось множество газет, журналов, роман-газет и даже несколько книг. Все время, какое провели в Поповском зимовье, мы читали. Леша - газеты, Галя - «Эхо планеты», Женя - «Человек и закон», я - детектив Агаты Кристи «Убить легко» (правда, у него не было конца) и пятую часть «Тихого Дона» Шолохова.

Внутри зимовье было похоже на все остальные, в каких я была, - два окна, стол, двое узких нар, железная печка, обложенная валунами. Было нечто вроде «веранды» и лабаз на четырех толстых столбах. Около зимовья возвышалась поленница сырых дров и мусорная куча, а метрах в ста виднелась среди сосен баня.

После обеда решили идти в маршрут. Но все же странные порядки были здесь - от слова до дела целая вечность. Уже решили, уже собрались. Тут кому-то приходит в голову сфотографировать зимовье. Ладно. Сфотографировали зимовье, нас с Женей, Галю, Динку. Потом Леше и Жене уже и идти расхотелось. И в конце концов мы с Галей пошли, а они остались ужин готовить.

Трава, кусты, деревья - все было мокрым после недавнего дождя. Падали сверху крупные капли. Мы с Галей шли вдоль Бурун-Богдашки, потом полезли вверх по склону горы. Ноги утопали во мху, пахло сыростью, землей, травой. Прямо под носом оказывались кустики еще зеленой брусники, черники, хрустели под сапогами большие, как капустные, листья бадана. За нами бежала малышка Динка.

Малышкой Дину назвал Женя. Он всегда звал ее очень ласково: малышка, родная, маленькая. А Динка, и правда, совсем малышка - всего-то девять месяцев. Она милая, веселая, наивная рыженькая

Е.Иванова,
Выпускница Иркутского худож. училища
Педагог А.С. Шитицын

Е.Иванова,
Выпускница Иркутского худож. училища
Педагог А.С. Шипицын

Маленькой Диню позвал Жень, но
всегда след ее очень долгой. У Диню
розовая ошейник. А Диню, в том
своем ошейнике, как будто динюшка.
Она много динюшка, как будто динюшка.

овчарочка, помесь с лайкой. Бабка ее, Дина Андреевна Уткина, была, судя по рассказам Леша и Гали, героической собакой. Она ловила мышей, уток (чем и заслужила такую фамилию), не воровала, как внучка, и умела находить дорогу. Но она потерялась - пошел дождь, она не смогла отыскать следы хозяев и пропала. По слухам, ее взял к себе местный охотник. А Леша нашел щенка, внучку. И вот эта внучка сейчас рыщет по кустам вокруг нас.

Часто Галя останавливалась, отбивала образцы от обнажений. Некоторые камни я подписывала и прятала в мешочки, и мы шли дальше.

Когда спустились в какой-то распадок, пошел дождь. Торопливо спрятав последние образцы, мы двинулись назад. Мне казалось, что мы будем добираться до лагеря часа три, но дошли удивительно быстро.

К зимовью мы подошли мокрые, будто в реке бродили. Тут только я пожалела, что и носки, и запасные штаны оставила в базовом лагере. И надо же было так легкомысленно собираться! Сама себе удивляюсь... И Галя сердилась.

Женя дал мне свои штаны - у него были запасные. Леша тут же съехидничал:

- Какой заботливый супруг, да, Катенька?

Потом мы расставили сырые сапоги вокруг печки и пошли к костру.

- Дина, - сказала Галечка, - я знаю, что ты хочешь.

Дина смотрела на банку тушеной говядины.

- Она хочет тушняк! - сказал Женя.

Динка подобралась поближе к мешку с остатками хлеба. Галя принялась спускать «тушняк» в суп. В это время Дина ухватила хлеб.

- Дина! - взвыли все хором.

Леша бросил газету, которую только что с упоением читал, в три прыжка догнал собаку и отвесил ей легкого пинка со словами:

- Иш-шь, я тебе! Динка Андреевна!..

Дина Андреевна спряталась за зимовье.

Через пять минут она уже снова ошивалась у костра. На следующее утро, возясь со своим ремнем на планах, Женя заметил:

- Да, Катюша, талия у тебя осиная!

Леша отвлекся от поисков клещей у Дины:

- Откуда ты знаешь?

- Пряжку-то вчера передвигали.

Вчера мы натопили печку, и первая ночь в Поповском зимовье оказалась очень жаркой. Так как нары были узкими, то Женя спал на полу, а Леша - в бане.

- Я лежу и чувствую, как у меня по лицу пот течет, - сообщила за завтраком Галечка.

- А меня ночью кашель задавил, - сказал Женя. - Это было круто!

Леша ни на что не жаловался. Он держал в руке миску с кашей и читал газету. Дина снизу вверх смотрела на Гаю. Потом ей надоело смотреть, она подпрыгнула и головой выбила миску у Гали из рук. Леша, конечно, закричал: «Дина Андреевна! Ну-ка! Ишь, я тебе!», но Дина не испугалась.

Сахар у нас подходил к концу. Галечка выдала каждому по одной шоколадной конфете и по два леденца. С этими конфетами смех... Ну, сладкого-то всем хотелось, а конфет мало. Галя их по счету выдавала. Алексею Сергеевичу это был отличный повод показать свое остроумие. Например, он говорил:

- Посмотрите, Катенька, как тетка-то жадничает! Вот еврейская натура!

- Да, - самокритично отзывалась Галечка, - натура у меня еврейская, кулак я в душе, кулак. Мне это и Катин папа не разговорил. «Тебя в тридцатые годы, - говорит, - расстреляли бы!».

- Правильно, - поддакивал Алексей Сергеевич, - правильно. Вы нам лишнюю конфетку ни за что не дадите. И просить не стоит!

- Вот, - говорила Галечка, - что мне вместо благодарности приходится выслушивать... Посмотри, Катя, на этого человека - я ведь с ним уже пятый год работаю!

«Этот человек» радостно ухмылялся, поглядывая на нас. Новую шутку готовил.

После завтрака Леша с Женей и мы с Галей отправились в маршруты. Галя и я - на ту же гору, что и вчера. За нами опять увязалась Динка. Она носилась по кустам, скакала с камня на камень, крутилась вокруг нас.

- Дина, к тебе вечный двигатель хорошо бы приделать, - сказала Галечка.

Было пасмурно, но без дождя. Просто небо серое и нежарко. Мы пробрались сквозь заросли молодых осинок и зашагали по сухому руслу ручья. Сверху раздался мощный гул. Мы задрали головы. Низко-низко пролетел угрюмый серый вертолет.

- Голубь сизокрылый, - вслед ему сказала Галечка, а мне вспомнился Максимыч. Василия он тоже часто звал Голубем или Птичкиным - у того фамилия Голубев.

Мы шли по берегу, у самой воды, а когда начались прижимы, пришлось лезть наверх.

Обедали на берегу, ели макароны с бульонными кубиками, теми самыми, от которых у пожилых людей часто бывает изжога. Сухари и сало мы забыли взять. Динка нашла палку и играла с ней - носилась, кусала, азартно рычала и била ее лапами.

Возвращаясь в зимовье, мы на броду начерпали в сапоги. Пришли, развели костер, принялись сушиться. Вскоре подошли Леша с Женей. Им реку переходить было не надо, и они не промокли. Женя снова предложил мне штаны, но я отказалась - нельзя же каждый раз... И грызла меня досада на свою дурость: надо же было и штаны, и носки в базовом лагере оставить!

В маршруте Леша застрелил рябчика. Тот был какой-то серый, лохматый, голова болтается... Лешка тут же напугал меня этим рябчиком: сунул его мне прямо под нос, я метра на два отскочила. Все со смеху покатались:

- Чего ты его боишься?

- Да ну его. Дохлый какой-то...

- А тебе живого надо, что ли?

Галя ощицала рябчика за зимовьем. Вечно голодная Дина Андреевна рылась в перьях.

На третий день мы шли все на ту же гору. Обедали в распадке, где по каменным глыбам тихо журчал маленький ручьишко. Было жарко, и Дина улеглась в лужу. Мы сварили макароны, засыпали их бульонными кубиками вместо соли. Искали клещей, выворачивая энцефалитки. Двух я нашла на себе - они прятались в капюшоне. Один сидел у Гали на штанах. На этот раз мы взяли сало. Нарезали, положили кусочки на камень. Только отвернулись - Дина схватила сало и тут же проглотнула. Галя онемела. Я швырнула в собаку веткой:

- Ах ты, чертовка!

Динка отбежала на пару шагов, дожевывая остатки. Потом облизнулась. У нас от возмущения слов не хватало.

- Ну... Что ты за чертова собака! Пошла отсюда! Думаешь, тебя еще кормить после этого будут?

Галя слушала-слушала, да и захохотала:

- Ой, как у тебя голос на Наташкин похож! Ну, точь-в-точь как у твоей мамы! Надо же, как похож!

- Был бы здесь папа, он бы Дине показал, как продукты таскать, - сказала я сердито. - Что за собака! Сразу видно Лешкино воспитание... Наша Линда никогда не воровала. Ну, разве только изредка.

- Да уж, Петр Саидович - это не Леша, - согласилась Галя. - Он вас всех вымуштровал.

- Однажды на Соболиных озерах мы с папой на рыбалку пошли, а Линда в лагере осталась. Так папа, когда вернулся, наорал на нее и еще во-от такой палкой зашвырнул, мама даже испугалась.

- За что?

- А за то, что нормальная собака должна с хозяином быть, а не жир в лагере нагуливать. Он рассказал, что был у них раньше геолог с собакой, и она, вместо того чтобы с хозяином в маршруты ходить, на таборе около кухни сидела. И к концу сезона она стала прямо как колбаса на ножках. Тогда

тот геолог взял ружье, посадил собаку в лодку, увез на дальний остров и там застрелил. А потом приехал и сказал другим: «Кому нужна шкура, поезжайте и снимайте сами». Но никто не поехал...

Галечка заварила чай и повернулась к Дине:

- Слышала, Динка Андреевна? Моли бога, чтоб твой хозяин оказался не таким, как тот жестокий геолог.

Но Леша был очень добрый, Динку любил, ни разу (при мне, по крайней мере), по-настоящему не ударил, и она его тоже любила. Уж как она прыгала, встречая его, если он оставлял ее в лагере! А Леша приговаривал: «Ну, как жилось тебе тут, Динка Андреевна? Ну, давай поцелуемся, давай...».

Мы кончили обедать, но еще не уходили. Хорошо было в этом распадочке с ручьем. Солнце пригревает, наверху качают ветками кедры, вдалеке грохочет река... Просторно кругом, нет ни стен, ни пола, ни потолка - смотри, куда хочешь! И все кругом живое - и трава, и деревья, и вода, и даже камни...

Тепло. Светло. Потух костерок. Качались длинные травинки, пробившиеся в щели камней. Сверху упали сухие кедровые иголки - пять штук, и все вместе. Длинные и мягкие иголки у кедров. В лесу легче жить... В лесу и люди становятся добрее...

Рыбалка

У нас кончались продукты, и Женя пошел в базовый лагерь. А мы втроем - в маршрут, хотя в маршруте втроем делать, конечно, нечего. Я пожалела, что не пошла с «супругом».

На обеде всех разморило. Галя и Леша разлеглись и задремали на солнышке. Не удивительно, что потом у Гали голова болела. Я еле-еле разбудила их, когда чай был готов.

Держа в руке кружку, глядя в пространство и изредка косясь на меня, Леша пел одну из своих любимых песенок:

Ну, почему ко мне ты равнодушна?

Ну, почему ты смотришь свысока?

*Я не прекрасен, может быть, наружно,
Зато душой красив наверняка!*

Ты погоди, не спеши,

Ты погоди, не спеши,

Ты погоди, не спеши дать ответ.

Жаль, что на свете всего

Только два слова всего,

Только два слова всего - да и нет...

И Леша посмотрел на меня с обычной своей обаятельной улыбкой. «Если это ты специально ко мне обращаешься, то интересно, как я могу смотреть на тебя свысока, если я меньше тебя ростом на полметра?» - подумала я и зачерпнула чай из мятого котелка.

Но Лешка пел, конечно, только чтобы посмеяться над моим смущением. Странно, что смеется он только когда есть зрители - Галя или Женя, а лучше оба сразу.

Черпнув еще чая, Леша запел:

- Гори, гори, моя звезда...

Эту песню он полностью не знал и потому быстро замолчал. Галя подлом энцефалитки протерла очки и вновь усадила их на нос. Было жарко, как вчера. Дина лежала под кустом. По ее рыжеватому боку полз маленький серый паук.

Мы стали собираться.

- Динка! - позвал Леша. - Вставай, пошли... Дина, а Динка! Дина Андреевна Каменистая!..

Да, Динка в этом маршруте получила фамилию - Каменистая... Леша положил камень-образец на землю, а Дина хват его в зубы и побежала. Мы посмеялись и прозвали ее Каменистой.

Женя принес остатки изюбятины, и мы приготовили котлеты (в зимовье нашлась грязная мясорубка, ее отчистили). Все мы не съели. Котлеты остались на утро.

На следующий день начальство ушло в маршрут, а мы с «супругом» остались топить баню, пилить дрова и готовить ужин.

Вечером я пошла на рыбалку, взяв Лешкину удочку и свой настрой. Не столько

привлекала меня сама рыба, сколько хотелось доказать ехидному Алексею Сергеевичу, что я тоже умею ловить и что Галя все правильно сказала (Галя рассказывала, сколько рыбы я ловила на Соболиных озерах). На берегу, возле ямы с сильным течением, я прицепила к леске большой поплавок и три «мушки», одну за другой. «Мушек» у меня было мало: один тройничок, один двойник и несколько одинарных.

На «мушку» ловить гораздо интереснее, чем на червяка или на хлеб. Там сидишь и глядишь на поплавок, а здесь совсем не так. Все ловят по-разному. Обычно закидывают настрой и дают «мушкам» плыть по течению. Поплавок держит их на поверхности. Когда они уплывут подальше, удочку закидывают снова. Так ловил Женя. Я делала по-другому: давала «мушкам» сплыть, а потом вела обратно, выше по течению, подергивая удилице, чтобы мушки подпрыгивали, как живые.

Я проторчала на реке до вечера, начерпала воды в сапоги и поймала двух хариусов - один побольше, другой поменьше. Я бы и дальше ловила, но вспомнила, что еще суп надо сварить к приходу начальства. Женя так натопил баню, что там, по его выражению, был ад. Вечером, после бани и ужина, мы обсуждали, как сегодня будем ночевать. Решили, что Галя будет спать в бане, а мы останемся в зимовье.

Женя «травил» анекдоты. Он так много знал их, что если начинал, то не мог остановиться, пока не рассказывал десятка два.

- Сидит дед-наркоман, забивает косячок. Внучонок подходит, говорит: «Деда, расскажи сказку». Ну, дед затынулся и говорит: «Идет бычок, качается...» - еще раз затынулся, - «вздыхает на ходу...» - еще раз затынулся, - «и вот доска кончается...» - еще раз затынулся, - «и полетел бычара, полетел!».

- Бежит стадо быков. Вылезает из кустов заяц: «Стой, бычары! Крутые есть?». «Да нет вроде...». «Ну, скинулись по тройку и дальше побежали». На следующий день также. И на

третий. Решили - надо крутого. Взяли волка. Бегут. Вылезает заяц: «Стой, бычары! Крутые есть?» Волк вышел, говорит: «Ну, есть!» Тогда вылезает из кустов медведь и говорит: «С крутых по червонцу, с остальных по тройку, скинулись и дальше побежали!».

И так далее...

На следующий день мы хотели возвращаться в базовый лагерь, но Леша вспомнил, что вчера забыл на горе свой нож. Пока ходил, наступил вечер. В обратный путь мы выступили только следующим утром.

В ожидании коня

Шел дождь. У подножья гор стлался туман. Мы пообедали в базовом лагере, сняли палатку, собрали вещи и пошли в зимовье около Онота, откуда уехали два охотника.

Вечером рыбачили. Мне рыба сорвала единственный тройник. Обидно, тем более что Жене повезло - он поймал пять хариусов. На рыбалке всё зависит только от везения...

Утром я решила еще половить, встала часов в пять, взяла удочку и пошла по берегу до перекастов.

Было очень холодно. Над рекой висела какая-то хмарь, солнца не было видно. И рыба, видимо, еще не проснулась... Ничего не поймав, я вернулась в зимовье и снова легла спать.

За завтраком Галя объявила сногшибательную новость - Дина ночью съела всю тушеную изюбятину, которую мы оставили на утро... Ну что же, этого можно было ожидать. Галечка могла бы и сама догадаться, что нельзя оставлять на ночь у костра открытый котел с мясом.

После завтрака мы собрали рюкзаки. Леша сходил за спрятанной в кустах лодкой. Когда лодка спела свою песню (у нас не было насоса, и лодка при надувании издавала очень интересные звуки), мы погрузили в нее вьючные сумы, и Леша поплыл по течению. Мы же пошли по берегу. Когда мы дошли до места переправы, наш командир принял

решение идти назад, потому что вода поднялась и течение сильное. Ну что же... Мы пошли. Мне-то все равно. Я - как начальство скажет. Женя бранился себе под нос - у него не было бродней, он не мог брести по воде, как мы, и продирался по кустам на берегу. Ладно. Прошли мы метров сто. Вроде решили переправляться. Тут Леше снова что-то приходит в голову, он хватает лодку за веревку и тащит дальше вверх по течению, и в конце концов мы оказываемся прямо напротив зимовья, где я обычно мою посуду. Тут мы некоторое время отдыхаем, потом в лодку грузятся два рюкзака и Галя, забирается Леша, и переправа, наконец, начинается.

Мы с Женей сидели на теплых камешках и безмятежно любовались природой. По реке наискось скользила наша лодка, было тихо и спокойно, и мы позевывали, разморившись на солнышке. Вот лодка пристает к тому берегу, выходит Галя, вытаскивают вещи, и лодка идет назад, и ее снова сносит.

- Сейчас опять лодку вверх потащит, - говорю я, имея в виду Лешу.

- Ага. Ему, видно, нравится, - злорадно соглашается Женя.

Потом мы обсуждаем, можно ли перекинуть камень через Олот. Женя встает и кидает. Камень чуть-чуть не долетает до того берега и падает в воду.

Обедаем мы там, среди островов, где шиповник. Жара несусветная.

Нашли место для ночевки. Взрослые пошли за остальными вещами (все за раз унести не можем), а я осталась собирать дрова. Здесь это не представляет труда - сушин много, и свалить их можно даже без топора. Я просто хватаюсь за дерево и раскачиваю, раскачиваю его изо всех сил. В конце концов, сушинка падает, часто и я падаю вместе с ней.

Когда геологи вернулись, у меня была заготовлена большая куча дров.

- Вот Сайгачиха-то, а! - сказал Леша, сбрасывая на землю выючную суму. - Какова супруга!

И снова непонятно, смеется он или всерьез...

Утром Леша ушел встречать Василия с конем. Вечером он вернулся без Василия и, разумеется, без коня... Галя помрачнела. Семнадцатого числа, то есть сегодня Василий должен был ждать нас в условленном месте. Конечно, мог и опоздать... Женя предложил открыть «сгуху» - он так называл сгущенку. Открыли, съели в пять минут. Банка на четверых - это очень мало. Да и сгущенка отличная, я такой раньше никогда не ела: густая-густая, как масло. Женя рассказал, как в армии на спор съел восемь банок. А другой солдат - все двенадцать.

- Только потом ему в тазу сидеть пришлось, - закончил «супруг» и оближал ложку.

- Почему в тазу? - удивилась Галя.

- Ну, переел и в туалет сходить не мог. Ну и сидел в тазу, отмокал...

Когда залезли в палатку, Леша нашел на себе клеща.

- Давайте его сожжем, - предложила я.

- В палатке? - усомнились взрослые.

- А что? Папа сжигал.

Но Леша просто открыл полотняную дверцу и выбросил клеща на улицу.

Что я люблю, так это спать. Но рано я никогда не ложусь, и утром мне всегда тяжело вставать. Я из тех людей, кого называют «совами». Я вообще спала бы весь день, а вечером вставала...

Галя поднималась раньше всех. Этим утром она тоже встала рано. За ней вылез из палатки Леша.

Мы с «супругом» задремали. Вскоре Галечка сунула голову в палатку:

- Эй, вставайте! Завтрак ждет. Мы уже поели, - и она полезла внутрь.

- Тащите сюда, - сонно пробормотал Женя.

Галя крикнула:

- Лешка! Тут супруги завтрак в палатку требуют!

Я испугалась!

- Да ладно, мы сейчас встанем...

- Лежи, чего ты, - сказал Женька. - Пусть тащит!

Зашелестела пленка.

- Ура, Лешка хавчик несет!

Но никакого хавчика Лешка не принес. Он влез в палатку, снял сапоги, улегся и сказал:

- Там, Галина Ивановна, на палатке клещ сидел. Я его бросил подальше. Видать, тот, вчерашний, приковылял.

«Нет бы сразу сжечь», - подумала я.

Мы с Женей выбрались на свежий воздух. Моросил серенький дождик. Онот снова помутнел. Вода прибывала удивительно быстро - за ночь уровень повысился сантиметров на двадцать.

Мы доели оставленную нам ячневую кашу и снова забрались в палатку.

Весь наш отряд мирно проспал до обеда, после чего лагерь моментально свернули и двинулись в путь. До сих пор поражаюсь всей хаотичности и безалаберности, царившей в нашей партии. Мы никогда не закрывали от дождя дрова. Мы никогда не закрывали с вечера палатку. Приходилось вскакивать среди ночи и под проливным дождем накидывать пленку. От решения до дела проходила бездна времени. Или наоборот - вроде ничего не решали, а уже что-то делаем, куда-то собираемся. Спросишь: «А что, разве куда-то идем?», а все делают удивленные лица: «А ты разве не слышала, что мы решили идти на зимовье?». Скажешь Леше: «Пошли на рыбалку». Он говорит: «Сейчас покурю, и пойдем». Сидит, курит. Выкурит две-три сигареты, начнет «мушки» искать... И так часа два. В общем, смех... Но я к такой жизни быстро привыкла и перестала удивляться сырым дровам, отсутствию растопки и вечным потерям то ложки, то миски, то носков.

- Жень, передай ложку.

- А какая твоя? Эта?

- Нет, другая, такая алюминевая.

Женька достает полдюжины наших

ложек. Не знаю, почему у Алексея Сергеевича их было целых три.

- Эта?

- Нет, другая.

- Эта?

- Другая.

Женя показывает еще две, потом разводит руками:

- Ку!

Сначала я удивлялась этим всем «ку», «сгухам» «тушнякам» и прочим выражениям «супруга». Потом привыкла. А «ку» означало «нет»...

Снова в зимовье на Михалках

Мы решили идти в зимовье Максимыча. Вещи перетаскивали челночным способом: перенесем часть и возвращаемся за остальными. Дошли до того места, куда должен был прийти Василий. Вчера здесь ждал его Леша. Я осталась варить чай, а взрослые ушли за остальными вещами.

Я ждала часа два. Моросил дождь. Темнела заводь Онота. Облака закрыли вершины. Было серо, мокро и очень тихо. Я сидела у костра и пила чай с одним леденцом. Сахар кончился еще позавчера, сухари мы забыли в зимовье. Конечно, их было мало и они заплесневели, но все равно жалко. А если Василий не придет? Еще на неделю в тайге застрянем. Еды должно хватить, по крайней мере, круп, но без сахара и сухарей жить тоскливо. Да и Галья станет сердитая, ей же потом отчитываться, почему задержались, да как, да что... А машина придет, нас не найдет, и что? Мы уже разговаривали об этом вчера:

- Галь, а что, водитель назад уедет?

- Как это он уедет? Ничего себе! Искать должны. А как иначе? Отряд из тайги не вышел. Мало ли что могло случиться... Он что, приедет в институт и скажет: «Их нету»?

Тут и Леша подошел к костру:

- Ну конечно, Катенька, к нам спасатели

на вертолете прилетят!

Но Лешку я слушать не стала и ушла на реку за водой. У него не поймешь, когда всерьез говорит! Слушаешь, слушаешь, потом спросишь: «Правда, что ли?» А он как захохочет: «Я же пошутил! Ха-ха-ха-хы!» Ну да, он так всегда смеялся, именно так: «Ха-ха-ха-хы! Ха-ха-ха-хы!» - с таким подвыванием.

Поздним вечером, в половине одиннадцатого мы пришли на зимовье Максимыча. Пусто, тихо. Чернеют сырые угли кострища. И морось, морось сверху...

Хмурая Галя, уставший Леша, «супруг», свалившийся без сил на чурбак для колки дров - ноги не держат. Все так устали, что некоторое время даже ничего не говорили, глядели перед собой и тяжело дышали. Все мрачны и неразговорчивы... А я не устала. Не то чтобы совсем, но все-таки не так, как остальные. Это и понятно - несуче-то ведь меньше других, да и здоровье получше. Ну и потом, я же Сайгачиха, надо оправдывать прозвище.

Темнеет. Мы все еще молчим, отдыхаем. Я гляжу на Женю. «Супруг» сидит весь красный, волосы топорщатся, как иголки. Мы встречаемся взглядами, и у меня улыбка ползет до ушей. И Женя улыбается. Я и сама не знаю, отчего смешно. Василия-то нет. И коня нет. И груз, видимо, на горбу потащим до самого поселка. И Галя мрачная и сердитая. А вот смешно почему-то...

К спине липнет, холодя, насквозь мокрая рубаха. Энцефалитка тоже промокла. Мы смотрим клещей.

- Кать, глянь, у меня на спине никого нет? - спрашивает «супруг». Я смотрю на Женькину мокрую, выцветшую энцефалитку, под капюшон.

- Вроде нет...

- А на шее, вот тут? - он тыкает куда-то пальцем.

- Тут? - я трогаю пальцем какой-то красный бугорок на Женькиной шее. - Это тебя кто-то куснул. Мошка, наверное.

Мы поужинали в темноте, при свечке.

А все-таки тяжелый был день. Не снимая энцефалитки, я легла на нары, лицом к стене. Ноги гудели, плечи натерло лямками рюкзака. И спать охота... Рядом сидел Леша. О чем-то говорили они с Галей... Динка тоже в зимовье. А Максимыч прогнал бы ее... Он не любил собак.

- Сайгачиха спит уже?

Я быстро приподнялась на локте:

- Нет, не сплю.

Не сплю я и вовсе не устала. Еще хоть сколько могу идти. И я не жалею, даже если и тяжело. И может быть, хоть за терпеливость меня будет уважать Лешка.

Мы укладываемся спать: Галя и я на одних нарах, Женя - на других, Леша - на полу. Галя тушит свечку. Темно... И тут в темноте мы будто пробуждаемся. Вся усталость куда-то испаряется, Женя рассказывает анекдот за анекдотом, мы веселимся. Потом Леша сообщает, что ему холодно.

- Ну иди сюда, - говорит Галечка. - Только ведь не влезем втроем, наверное. Меня будто дернули за язык:

- А может быть, влезем!

Все смеются, как над очередным анекдотом.

- Ну, давай, Алексей Сергеевич, - говорит Галечка, - я лягу на полу, а ты - на нары. Леша что-то бубнит неразборчиво, а Галечка говорит уже мне:

- Ты тут Лешу нежно обними...

Мы все хохочем, а Лешка орет:

- Супруг возревнует!

Из темноты несется:

- Я, Лешка, страшен в ревности!

Мы чуть не лопнули со смеху. И куда вся усталость подевалась?

- Знаешь, Катюш, - говорит Галечка задумчиво, - мне кажется, ты отсюда привезешь изрядную долю циничности.

Переправа через Усан-гол

Утром Галя, как обычно, встала раньше

всех. На ее место рядом со мной улегся Леша.

Спать оставалось недолго. Я подремывала вполглаза и не думала о предстоящем дне. А что о нем думать? Трудно будет. Перенесем в зимовье остатки вещей. На приход Василия уже очень мало надежды. Перетащим вещи, переночуем, пойдем дальше... Наверное, Женя налегке отправится вперед - встречать машину... Все равно на неделю задержимся. Родители, конечно, будут волноваться. Ну что же, я ведь не виновата, что конь не пришел. А все-таки хорошо, что я сейчас здесь, а не в городе. Хорошо, что я поехала.

Галечка начинает будить нас. Заворочался на своих нарах Женька, потягивается Леша, но никто еще не сделал попытки выбраться из спальника. Мы с Лешей глядим в потолок, низкий и черный, с толстой круглой балкой, об которую я уже один раз сильно стукнулась головой, а Леша уже и не раз... Подозреваю, что Лешка думает о том же, о чем и я: «Кто первый встанет?»

Наконец, я выбралась из спальника, вытащила из-под головы энцефалитку, а из-за печки - сапоги. Почти сразу же за мной встает и Леша. За ним поднимается Женя.

У порогов, называемых «Щеками», я осталась готовить обед. Когда вернулись с вещами товарищи, мы поели и пошли обратно. Дождь все моросил и моросил уже второй день... Мы подходили к зимовью еще более усталые, чем вчера.

- Кто-то пришел! - вдруг быстро говорит Галечка. Василий? Максимыч? Какие-нибудь охотники? Слышно звон.

- Губастый парень!

А губастым парнем Лешка прозвал коня...

От костра поднимается нам навстречу невысокий человек в броднях и защитно-пятнистом костюме - Василий.

Ночью Леша пытался надеть на Женю несуществующую уздечку.

У Алексея Сергеевича есть одна особенность - он говорит во сне. И сегодня ему приснилось, что он должен надеть на коня

уздечку. Женькины волосы он принял за конскую гриву. Утром они оба смеялись. Потом, на Белой Зиме, я сама слышала Лешкины ночные разговоры - мы там в палатке рядом лежали.

И в первую ночь на Оноте, когда заедала мошка, это он сказал во сне, что поддаст в бок. И когда ночевали в шиповнике, ему снилось, что он не может вылезти из-под лошади, а Женя хватал его за руки, будил и успокаивал, и это Женькины слова я слышала в темноте: «Какая лошадь, ты в палатке!» А Галя потом рассказывала, что на Иркуте Леше приснилось, что он тонет. Он тоже начал кричать и Галю напугал.

На следующий день в половине третьего мы подошли к Усан-Голу. Когда шли туда, на Богдашку, я брод через Усан-Гол даже не запомнила. Сейчас же река вздулась и являла собой весьма грозное зрелище.

Василий замотал повод на шее Мальчика, и конь сам пошел в воду. Поднимая фонтаны брызг, он перешел реку. Следом, размотав голяшки бродней, двинулся Василий. Течение очень сильное, глубина - почти по пояс, но тем не менее перешел он удачно.

Взрослые оживленно совещались. Галя очень беспокоилась за меня. В конце концов, мне дали спас-жилет, шест, Галя с Лешей страховали по бокам, а Женя пошел ниже по течению, чтобы ловить меня, если пошлыву.

Переправлялись мы долго и неприятно. До сих пор помню, как страшно было, когда ноги вдруг оторвались ото дна. Еще немного, и Жене точно пришлось бы ловить плывущую «супругу», но Лешка успел схватить меня за локоть. Леша на переправах был незаменим. Он сильный и главное - очень высокий. Конечно, с таким-то ростом любую реку перейдешь - не потонешь. Был бы у меня такой рост! Так нет же, я коротышка, вроде папы...

Потом был еще неприятный момент: все втроем мы стояли на середине реки, в самом глубоком месте, течение сбивало нас с ног, а мы ругались, не зная, как идти дальше...

Все же никто из нас не упал, мы вышли на

берег, Леша закрыл глаза, а мы с Галей принялись усердно отжимать мокрые штаны и носки.

Ночевали мы чуть дальше «клещовника». После ужина Василий опять уплыл на тот берег, мы с Галей пошли за черникой, а Леша ушел на рыбалку. Ему очень повезло - вытащил пять огромных, жирных хариусов. Я в жизни только один раз такого поймала - там, на Соболиных озерах.

Вечером мы последний раз сидели у костра. Завтра уже уедем...

Открыли последнюю банку сгущенки, пили чай, сушили носки и портянки. Было тихо, спокойно. Впервые за много дней высыпали на небе звезды.

- Вот завтра наверняка хорошая погода будет, - вздохнула Галечка. - Как всегда...

Мы молчали. Потом заговорили о чем-то.

- Надо мне свою Таньку к пиву приучать, - вдруг сказал Женя.

- Зачем? - очень удивилась Галечка.

- Ну а что - я пью, а она смотрит.

- Не знаю, - сказала Галя, - может быть, я и отсталый человек, но как-то не могу представить себе девушку с бутылкой пива в руках.

Утром я все же решила еще раз попытать счастья на рыбалке. Встала рано, как и Лешка, - он отправлялся встречать машину.

Я ушла на место нашей прошлой ночевки - «клещовника» - и с полчаса ходила по берегу, забрасывала удочку то там, то тут, но ничего не поймала. Если не везет - то значит не везет, тут уж ничего не поделаешь. Да я уже давно заметила, что на больших реках мне удачи нет. Ну, зато я на Богдашке двух поймала, а Лешка - ни одного. Так-то...

Когда я вернулась, Леша уже ушел, а Женя как раз начал завтракать. Галя собирала выючные сумы. Приплыл с той стороны Василий.

Свернули палатку, завьючили Мальчика. В путь-дорогу...

Последний день пути

Этот последний день оказался для меня самым тяжелым.

Обедали мы в первом от поселка зимовье. После обеда жара усилилась, а мы как раз вышли на голый склон. Лучи прямо в голову втыкаются... Духота...

Мы еле переставляли ноги. И хоть здесь не болото было, а гора, мне вспомнилась песня, которую когда-то давно пел папа:

Мы идем, задыхаясь от пота -

Что поделатъ, такая работа!

Эх, болото, болото, болото!

Восемнадцатый день не ели,

Терпеливо идем к своей цели,

Только трое вчера утонули,

А четвертого, жирного, съели.

Эх, жирного съели!..

Над Богдашкой проходила гроза. Мне очень хотелось, чтобы и здесь прошел дождь, чтоб развеялась эта духота, но гроза не догнала нас. У меня почему-то давило горло, будто вот-вот слезы потекут, и голова болела. На вершину еле выкарабкалась... Галя пообещала дать мне потом таблетку, и мы пошли дальше. Идти вниз было легче, но когда мы были уже недалеко от места своей ночевки, мне под ноги стали какие-то палки подворачиваться.

- Давай рюкзак! - решительно сказал Женя. Он и на вершине хотел взять, но я сказала, что сама донесу. Что я, помираю, что ли? Просто голова болит, потому и лицо измученное. Кстати, и у Гали оно ненамного лучше...

- Давай рюкзак, - сказал Женя. - Ты уже спотыкаешься!

Но я не дала. А Галя сказала:

- Да тут немного осталось. Уже голоса слышны.

И мы пошли дальше, и я зацепилась сапогом за кочку. Уж такая у меня судьба - все пройдут, а я зацеплюсь. Со всеми все нормально, а со мной обязательно что-нибудь случится...

На седловине нас ждала машина вроде той, в которой на Урик ездили. Водителя звали

Николай. Когда мы подошли, он уже помогал Василию и Леше развьючивать Мальчика. Галя торопливо достала таблетку от головной боли.

Потом с полчаса мы тряслись по заросшей дороге, спускаясь к поселку. Не понимаю, как мы проехали здесь ночью...

Конь побежал домой сразу после того, как с него сняли седло и уздечку. Мы его обогнали по дороге. Мальчик щипал по обочинам травку и отмахивался хвостом от мух.

- А я хотел на нем сфотографироваться, - сказал Женя. - А коняга сказала: «Ку!».

В поселке Василий за руку попрощался со всеми и пошел домой. Мы завернули в магазин, купили хлеба, пива Жене и Леше, сока Гале и мне.

А потом - дорога, дорога, дорога...

Возвращение

Мы едем назад. Спит Галя, спит Женя, спит на рюкзаках Леша, лежу на сиденье я.

Но я не сплю. Зачем сейчас-то спать? Спать сейчас не нужно, не стоит, ведь всего через каких-то три часа мы приедем в Усолье-Сибирское, и там останутся Леша и Динка, и я, наверное, их никогда больше не увижу.

А пока они еще здесь... Динка спит под Галиным сиденьем. Леша спит на рюкзаках, подвернув под локоть голову, и видно темноволосый затылок...

Хорошо было в поле. Легко жить, легче, чем в городе. И друг к другу привыкли. И знаю я, что худо будет в первые дни без них -

без Лешки, Гали, Жени. Без Дины. Плохо будет в квартире, непривычно без простора, тайги, кедров. Рядом будут родители и брат...

Наверное, если бы я была одна, я бы быстрее привыкла, а так... Начнутся всякие расспросы, то, другое... Мне бы пожить, привыкнуть, а тут...

Так оно и было, когда мы приехали в Иркутск. Но сначала было Усолье. В Усолье Лешка стал торопливым и нервным.

- Ну ладно, ладно, Галина Ивановна! Поезжайте, а то машина ждет. Я утром приеду. Все, все, поезжайте.

Лешкина мама торопливо сунула нам пирог, колбасу и помидоры.

- Бедные вы мои, - прочитала она. - Исхудали-то как!

Она очень добрая, Лешкина мама, Галя говорит - это потому, что она с Севера. И ведь правда, мы совсем незнакомые, а она и в прошлый раз нас и кормила, и поила, и вообще все... Я еще никогда таких людей не видела.

А Лешка злился и торопил нас.

Бегала по двору Дина Андреевна Каменистая. Садилось солнце. Машина медленно покатила к дороге, Леша посмотрел вслед и пошел к подъезду. «Хорош гусь, - подумала я, глядя в окно. - Мог бы и по-нормальному попрощаться. Чего спешить, горит, что ли? В тайге двадцать дней вместе прожили. Мог бы хоть руку пожать. Василий попрощался, а он...».

И Гале было обидно. И Жене. От обиды мы съели пирог, колбасу и легли спать. Начался сильный ветер. Он принес тучи и грозу...

В Иркутск мы приехали в полночь...

Продолжение следует...

Гладиатор Дед Сергей

Рассказ

Геннадий Михасенко

(1936-1994)

Первой книгой Геннадия Михасенко, получившей широкую известность в стране, была повесть «Кандаурские мальчишки». Детство, выпавшее на годы войны, Геннадий провел в деревне Кандаурово Новосибирской области. Повесть привлекала читателей искренностью, психологической достоверностью.

После окончания института Геннадий Павлович был направлен на работу в Братск в инженерной должности и уже никогда не покидал этого города. В Иркутске одна за другой выходят книги Михасенко для детей: «Неугомонные бездельники», «В союзе с Аристотелем», «Я дружу с бабой Ягой», «Милый Эп», «Земленыр, или Каскад приключений» и другие.

Популярность Михасенко в детской читательской аудитории огромна. В ТЮЗе по его произведениям ставятся спектакли.

Г.П. Михасенко скончался в 1994 году в самом расцвете творческих сил после тяжелой болезни. К 65-летию писателя издательской группой «Вектор» при поддержке администрации Братска в Иркутске вышло трехтомное издание его произведений, в котором опубликованы, кроме известных повестей, две новые, обнаруженные в архиве писателя: «Ау, Завьялова!» и «Класс дурацких фамилий».

Дед Сергей, сторож-кладовщик детского спортивно-морского лагеря «Парус», после окончания сезона не остался один, как он любил оставаться, предаваясь тишине и покою после суматошного лета, а вдруг привез к себе на несколько дней, оставшихся до школы, внука Витьку, двенадцатилетнего увальня. Витька жил с родителями, мало общался с хмурым и неразговорчивым дедом и даже не интересовался его лагерем, зная, что туда принимают только старшеклассников. Очутившись же в царстве водных лыж, воздушных ружей, морских форменок, пряжек с якорями и прочих удивительных вещей, которыми был набит склад, он растерянно поразился не столько самим этим вещам, сколько тому, что все они - в дедовском владении, то есть что дед, оказывается, фигура.

Поужинали поздно, промаявшись с сетями, которые дневным волнением залива снесло на коряги.

Отяжеленные едой и усталостью дед с внуком устроились под высоким, похожим на аиста торшером с перекошенным абажуром. Старик сел на скаганный матрац, пододвинул к себе табуретку со стопой газет месячной давности и, надев очки, стал перебирать их, интересуясь исключительно мировыми событиями. Потный и чумазый Витька в тельняшке до колен, разместившись на ящике с аквалангом, принялся, беспомощно вертя в руках два веревочных обрывка, с сопением изучать морские узлы по плакату, брошенному на пол. Сухонький маленький дедок и явно закормленный внук рядом смотрелись как-то враждебно - как будто дед постоянно недоедал в пользу внука.

Между ними на полу стоял эмалированный таз сводой, где лениво шевелился только что выуженный из-под коряг налим, губастый, с мутновато-зеленой спиной.

Было тихо. Нашумевшись за день, лес и залив молчали. Не осилив и простейшего узла, Витька поднял голову, поприслушался к чему-то и позвал:

- Деда, а дед!

- Оу!

- А старшеклассник с какого считается?

- Чего?

- Ну, с какого класса в ваш лагерь берут?

- Да с какого, больших, - не отрываясь от газеты, ответил дед.

- А именно? Вот я, например, пять кончил, это как? - и оставя плакат, Витька всем корпусом повернулся к деду, чтобы больше привлечь его внимание, зная, что того не так-то просто настроить на обстоятельный разговор.

Но дед неожиданно отложил газету, снял очки и, легонько зевнув, охотно отозвался:

- Мало, как! Куда же - пять! Пять - это еще верхом на палочке ездить! А тут серьезно: в катерах копаются, на лыжах вон по воде шмыгают. Нынче один на бревно наскочил, так не знаю, выпишут его к школе из больницы или нет. Серьезно, брат, у нас! - и дед поскреб за ухом надавленное очками место. Его короткие матово-седые волосы росли с таким плавным очертанием, как будто старик носил белую купальную шапочку, и когда почесывался, то казалось, что он хочет зацепить эту надоевшую шапочку и сдернуть ее. - А то еще говорят - пушки привезут, настоящие! Срезают где-то со старого корабля и привезут. Поди, без снарядов! А то не дай бог этим разбойникам снаряды!

Заплывшие глаза Витьки каким-то чудом округлились, и он воскликнул:

- Да я же здоровый, деда! - Он вытянул ноги и подал плечи назад, демонстрируя свою дородность. - Здоровый и сильный! Я бы все смог: и штурвал крутить, и на лыжах, и на веслах! Я же в своем классе всех бью!

- Да, сила есть - ума не надо! - с

сожалением заметил дед, задумчиво разглядывая внука, так что Витька несколько смутился и подобрался, но дед как бы сжалился и тихо, словно по секрету, спросил: - Что, в лагерь поманило? Нагляделся на мое богатство? - и он кивнул на замкнутую дверь главного складского отсека, где хранилось самое ценное, а все обыденное - матрацы, ведра, кружки, лопаты, ножовки - лежало здесь, в предскладнике. - Оно бы не лишне послужить тебе! Живо бы сняли стружку!

- Я бы снял!

- Э, милоч! Не таких остругивают!

На какие-то секунды Витька замер с задиристым прищуром, а потом весело махнул рукой:

- А пусть бы! Может, приврать, а деда? Мол, в седьмом я, ну чтобы это, приняли! - И Витька ладонью сделал рыбье, волнисто-проскальзывающее движение.

- Зачем привирать? Если хочешь по правде - попроси меня, я шепну начальнику - и все! - заверил дед Сергей и как-то игриво-бодуче, снизу вверх дернул головой. - Не чурался бы деда, не дулся бы мыльным пузырем, давно бы вполне законно носил эту самую тельняшку. Да-да! Я и бабушку нашу, захоти она, хоть сейчас в юнги запишу! - пошутил вдруг он и, что уж совсем не бывало, хохотнул. - Скажу - и, пожалуйста! За меня тут знаешь как держатся? Э-э! Я, брат, для них находка, каких поискать! Клад, можно сказать! И охраняю, и с метлой брожу, и муницию, где порвется, подлатаю, и рыбкой вот прикармливаю!

И дед тюкнул кончиком ботинка по тазу. Лежавший полумесяцем налим медленно выпнулся латинской буквой S, потом еще раз S в другую сторону и снова замер. Витька не любил этих рыбин, которыми дед частенько угощал и родственников, - не любил за то, что они, говорят, питаются трупами, и за то, что они вообще противные, словно огромные черви, но тут он с интересом склонился к тазу, как бы восхищаясь дедовскими талантами. Налим, однако, уловил в этом движении опасность для себя, крутанулся, мелькнув беловатым брюхом, и так вдруг шлепнул

хвостом по воде, что окатил всю Витькину физиономию. Мальчишка панически отдернулся и в следующий миг со всего маху треснул налима кулаком по башке.

- Ты чего? - вскрикнул дед Сергей.

- Чего?

- Чего налима-то?

- А что он, дурак слюнявый! - выругался Витька, утираясь рукавом тельняшки.

Налим буйствовал умопомрачительно: бился мордой о стенки, крутился, дергался, расплескивая воду, выметывал хвост, загибая его крюком и цепляясь за край таза, норовя выброситься вон, - он словно рвался к отмщению. Казалось, выпусти его - он какими-нибудь рыбьими прыжками дошлепает до обидчика и цапнет его за босую ногу, если не придумает ничего страшнее.

Дед заприговаривал, умиряя налимым хвост:

- Ну-ну-ну! Больно? Ничего, потерпи до утра. А там мы из тебя уху сварим, и нервы твои уймутся! «Дурак!» - передразнил он внука, пронзительно глянув на него. - Он-то не дурак, он на волю рвется! А вот ты!.. Нашел одноклассника, лупцевать! Иди ложись! Не дорос ты еще до юнги!

Обиженный тем, что жалеют не его, а налима, Витька фыркнул, швырнул куда-то веревочные концы, вскочил и, наступив на плакат, быстро проследовал в угол. Здесь, в закутке, образованном наружной стеной склада и столами матрацев до самой крыши, стояли две кровати со стулом между ними. Не раздеваясь, Витька нырнул под одеяло. Было бы из-за чего кричать, а то из-за паршивого налима! Да он, Витька, нарочно выплеснет этого слизняка из таза, если проснется ночью!

Дед встал, задев абажур так, что в закутке закачался желто-голубой свет, погромел тарелками и ложками, складывая их в ведро, щелкнул замком, выключил торшер, в темноте нащупал свою кровать и, укладываясь, прокряхтел:

- Живое должно жить до конца. А уж как все, то все - и спроса нет! Вот так вот, милоч!

Внук не отреагировал на эту философию, но почувствовал, что дедовская вспышка иссякла, и обрадовался, потому что разговор о лагере не был закончен. На полках зашуршали мыши, где-то вдалеке молотил катер, вытягивая из залива гирлянду плотов. Дед скрипнул пружинами. Ворохнулся и внук, поощряя деда на сближение, но сам помалкивал, выдерживая характер.

Дед в самом деле шепнул:

- Вить!

- А!

- Не спишь?

- Нет. Мыши...

- Не только мыши - и крысы, чтоб их нелегкая взяла! - прибавил голосу дед. - Как бы налиму хвост не отгрызли. Свесит его, они - хватать! Мышеловок надо! Или кота хорошего! У Падюковых попросить, что ли? Дадут, поди?

- Старый он, - заметил Витька.

- Вот и хорошо! Молодой-то пока расфуфырится, а старый сразу - цап! Все бывают старыми: и коты, и мыши, и налимы, - с удовольствием, точно радуясь такому обширному сообществу стариков, перечислил дед. - Ну, и человек, ясно! А как же! Ты давеча спросил, с какого начинаются старшеклассники. А вот ты мне ответь, с какого начинается древность?

- Какая древность?

- Ну, какая? Какую вы в школе учите?

- Когда обезьяны были? - уточнил Витька, чувствуя себя все более непринужденно.

- Не обезьяны, а уже люди.

- Волосатые?

- Сам ты волосатый! Через три дня в школу, а на голове - хоть литовкой коси!.. Волосатые - это первобытные. А я про нормальных. Все у них наше: лоб, нос, руки, ноги - все, а древними считаются. - Витька усиленно думал. - Ну, чего молчишь? Двойка у тебя, что ли, по древности?

- Да нет у нас такого предмета - древность! - обиделся внук. - Придумал тоже - древность! История есть, а древности нету! По истории у меня законная четверка!

- Значит, должен знать! - не смутясь, заключил дед. - Еще когда с быками принародно дрались!

- С быками и сейчас дерутся, в Испании вон!

- Да не сейчас! - огорченно перебил дед.

- А когда рабство было. Они еще бунтовали! Ими мужик один верховодил такой, вроде нашего Стеньки Разина!

- Спартак?

- Во-во!

- Гладиаторы?

- Гладиаторы! - обрадовался дед. - Точно!

- Ну то-то! - с превосходством протянул внук. - И не с какими не с быками они сражались, а друг с другом!

- Гладиаторы-гладиаторы!

- Сам путаешь!

- Вспомнил, слава богу! Ох, жизнь, сколько помнить надо! Так вот, это считается древним.

- Еще бы!

- Ну вот. А когда это было? С какого времени эта древность начинается-то?

- Как с какого? - опять не понял Витька.

- Она давно уже прошла, твоя древность.

- Фу ты, бестолочь! - дед Сергей перевел дух и поворочался маленько. - Ну, ежели мерить от наших дней туда, в глубину времени, то что выходит? Выходит, что сперва пойдет близкое время, еще тепленькое, потом эти, как их, средние века, а уж потом, наверно, древность. Или как?

- А-а! - сообразил наконец Витька. - Так бы сразу и сказал, а то плетешь про каких-то быков! Ну, это тогда, значит, так! Значит, Петр Первый!..

- Да какой Петр Первый? - удивился дед Сергей. - Петр Первый-то вон жил позавчера!

- Ну, деда, я же вычисляю! - с капризной нетерпеливостью пристрожился внук. - Сбил вот! Знаешь, как трудно пятиться во времени. На чем же я?

- Ну-ну, Петр Первый! - как бы извинился дед.

- Ага, значит, Петр Первый! - шумно

вздохнув, продолжил Витька. - Потом-м... Иван Грозный! Потом-м... кажется, эти, из варяг в греки. А потом уж все, дальше пятиться некуда. И выходит, значит, так... - Дед уважительно помалкивал, чуя в словах внука значительность. - Деда, ты слушаешь?

- А как же?

- Выходит, значит, так: все, что было тыщу лет назад, - это древнее, полтыщи - среднее, а что сейчас - сейчас! - с облегчением закончил Витька.

Чуть помедлив, не добавит ли внук еще чего-нибудь важного, и сам что-то старательно додумывая, дед Сергей произнес:

- Так, так! Тыщу лет, значит? Мать честная! Ну, конечно! Где там - тыщу лет! Ни за что! Так я и прикидывал - не быть мне древним!

- Чего? - переспросил Витька.

- Не быть мне тыщу лет назад!

- Гладиатором хочешь стать? - усмехнулся внук.

- Не гладиатором стать, а сторожем остаться, но древним! Понимаешь, Витек? - с некоторой досадой выговорил дед Сергей. - Чтобы прошло тыщу лет, а какой-нибудь парнишка тогдашний, вроде тебя, только поумней да попричесанней, открыл бы книжку и сказал: вот, сказал бы, смотрите - древний сторож дед Сергей!.. И так уж мне было бы приятно!

Витька смутился:

- Как же тебе, интересно, будет приятно, когда тебя уже не будет тогда?

- А мне не тогда, а сейчас будет приятно, что я стану таким древним!

- Да ты и так уже древний, - нашелся Витька. - Сколько тебе: семьдесят или восемьдесят?

- Какая же это древность? Это старость, как у котов, у мышей, у налимов. А потом смерть. Близехонько уж где-то. Может, это она и скребется, а не мыши. Не зря я один-то заопасался оставаться! А мне мало этой самой мышшиной смерти! Я хочу пройти через все века: через теперешние, через средние и

через древние! Главное - древние! Уж больно туда охота!

- Да ты чего, деда? - прошептал Витька с явной тревогой. - Кто же столько живет?

- Эх, Витька, Витька! Тяжел ты на соображение! - вздохнул дед Сергей. - А еще хочешь приврать - в седьмом! Думаешь, я при жизни рвусь столь отмахать? Что я, Иисус Христос какой? Да и он, бедняга, вознестись-то вознесся, а воротиться - дорогу забыл. Нет, Витек, по земле я пройду, как все, а вот потом бы отличиться! Черт знает, откуда взялась во мне эта заноза! Все будто ничего было, а тут - бах! - как молонья! И загло! А выходит пшик - не попасть мне туда-то.

- Попадешь! - уверенно сказал внук, опасливо думая, что же происходит с дедом.

- Нет.

- Почему?

- Тыща лет!..

- Да хоть миллион! - озаренный необычной для него мыслью воскликнул Витька, приподнимаясь на локтях. - Это при жизни мы считаем: мне двенадцать, маме там за тридцать, тебе под сто, а потом-то какой счет?

- Нет, - лукаво повторил дед.

- Время, что ли, остановится?

Помолчав чуток, дед ответил:

- Жизнь, боюсь, остановится! - Внук так и замер на локтях. - Время что, свистит меж пальцев - ухвати его попробуй! А жизнь - пожалуйста, хватай. И хватают! Да еще как! В сетях за три дня один налим! А где остальные? Какую газету ни возьми - везде война, бьют друг друга смертным боем!.. Людей на земле не будет через тыщу лет - вот в чем беда, Витек! И того парнишки, вроде тебя, который бы открыл учебник древности и ткнул бы в меня пальцем, тоже не будет. И учебника не будет. То-то и горько! Нет чтобы жизни-то без конца идти, чтобы все нажить успели, так изводят ее, матушку!

- Кто изводит?

- Мы, люди.

- Как же это мы ее, интересно, изводим? -

продолжал искренне недоумевать внук.

- А так... Кто нарочно, а кто невзначай, кто кулаком, кто бомбой. Убывает жизнь, на глазах убывает, - с хрипотцой заключил дед, и Витька вдруг ощутил какую-то неуютность в уклончиво-туманных дедовских словах. - А ты, Витя, не принимай близко-то, не пугайся! - спохватился дед, смягчая голос.

- А я и не пугаюсь.

- И правильно. На тебя-то еще жизни хватит. А мне, так шут с ней, с моей древностью. Внука вот увидел, а внук - меня, и на том спасибо. И этого могло бы не быть. А там, глядишь, и правнукам расскажешь про деда - вот я и задержусь маленько в памяти людской. А в лагерь я тебя устрою. Скажу начальнику - и все! Меня знаешь тут как? Э-э! Ну, ладно, спим!

Витька лег на спину и с серьезной озабоченностью уставился в темноту. Ему не понравился весь этот разговор о конце света. По Витькиным соображениям, это была явная чепуха, и все же он опечалился, потому что с будущим связывал тайную и сладкую уверенность, что если он даже умрет тут, что очень сомнительно, то снова объявится там, иначе куда же исчезать, если не в будущее. И ему вдруг стало жаль и себя, и деда.

Нет, надо разубедить старика, что жизнь убывает, что люди изводят ее! Например, он, Витька, как и чем изводит? Ну, раздаст за день с десятков щелчков и подзатыльников - и все! Кто от этого помер? Наоборот, здоровее становятся!..

Внезапная догадка обожгла Витьку изнутри, и он тихо позвал:

- Деда!

- Оу!

- Это ты из-за налима подумал, что жизнь оборвется? Из-за того, что я его по башке стукнул?

- Нет.

- Ой, деда, из-за налима! - почти обрадовался Витька. - Зря! А хочешь, я его поглажу? - выпалил он и даже сел в искреннем порыве заглядывать вину, словно именно от этого зависела сейчас вся жизнь на земле.

- Не кошка, гладить-то. Вредно это рыбе
- слизь сотрется, - спокойно ответил дед
Сергей, переворачиваясь на другой бок. - Ты
и так ему кулаком-то все смазал.

- Это я так, случайно!

- От привычки лущевать слабого, я
понимаю. Как слабый мелькнул, так сразу ему
в ухо!

- Да нет, деда!

- Ну, ладно-ладно!

- Значит, точно не из-за налима?

- Точно.

- А из-за чего тогда?

- Поживи вот, хлебни жизни, а там
поймешь! А то мы с тобой на разных языках
разговариваем, и выходит у нас: ты - про
Мартына, а я - про Фому. Спать давай лучше.

Повозились они, теплее притираясь к
подушкам и матрацам, и затихли. Витька думал
о том, что дед хитрит и что-то утаивает, и что
если бы знать хорошенько его жизнь, то можно
было бы, наверно, и самому разобраться, а
так... Из семейных разговоров Витьке
запомнилось лишь одно: в начале войны дед
с простреленными ногами попал к фашистам
в плен, а в конце войны его освободили
американцы - и все. Вот там, пожалуй, он и
столкнулся с этим самым концом света и не
может забыть его... А тут и он, Витька-балда,
добавил своим кулаком!

Еле-еле прослушивался пульс катера,
усыпляюще поскребывались мыши, молчал
налим. Устал, похоже, отдыхает, свесив хвост
с кромки таза.

А к тазу крадется отряд белозубых крыс
в тельняшках до колен. У первой в лапах -
маленький торшер, остальные несут на плечах
ржавую ножовку. Вот они останавливаются у
налимьего хвоста, разом вцепливаются в него
и быстро-быстро пилят.

Налим рванулся, но поздно - хвост уже
влажно шмякнулся на пол, и крысы злорадно
хрюкнули.

Витька поднял голову.

Он вообразил всю эту сценку, но звуки
оказались настоящие: хрюканье - это
всхрапнул дед, а шмякнулось - в глубине
склада. Витьке стало боязно, но он встал,
сориентировался и пошел, шаря впереди
ногами и руками. Торшер и таз попались ему
одновременно. Он включил свет. Таз был
пустым, налима лежал возле ящика с
аквалангом. С торопливым отвращением
схватив рыбину за жабры, Витька плюхнул ее
в воду. Потом минуты две споласкивал руки
под умывальником. На полке у стола лежало
несколько деревянных поддончиков для
хлеба. Витька взял один и накрыл им таз, а
сверху пригрузил ведром с замоченной
посудой. Теперь налима, даже если и хвост
просунет, не вывалится, не огорчит деда своим
самоубийством и не станет лишней преградой
на его пути в древность.

Повесив на гвоздь плакат с морскими
узлами, который налима обляпал в двух местах,
Витька встал лицом к закутку, выключил
торшер и через двенадцать шагов наткнулся
на мягкий штабель матрасов. И тихо улегся.

Профессия XXI века

победители городского конкурса "Радуга профессий"
в номинации "Юный журналист"

Алена Тихонова

Средняя школа № 26 г. Иркутска, 5 класс

Сохраним планету...

Двадцать первый век сменил двадцатый как-то очень незаметно. В газетах писали, что в начале XIX века случится какое-то чудо. Говорили, что растают ледники и будет наводнение, от которого погибнут люди на Земле. А мы ждали, что в 12 часов произойдет что-то такое, что изменит мир и, может быть, даже нас самих. Но вот часы пробили 12, и ничего не произошло. Только фейерверки, салюты, шум, поздравления, а все остальное осталось прежним. Наверное, так и должно быть. Ведь это только стрелочки часов изменили свое положение. Взрослые говорят, что если сравнить начало X и XXI, то изменения произошли большие. Сделаны разные научные открытия, появились новые профессии, например: космонавты, программисты, операторы числовых программных управлений, микробиологи. А интересно, какие профессии будут главными в XXI веке? Мы с одноклассниками часто говорим об этом. Они, например, думают так:

Сергей: "Считаю, что главная профессия – врач, потому что он людей лечит".

Люба: "Наверное, бухгалтер. Может быть, поднимется экономика страны".

Аня: "Программист. Он думает о будущем, составляет программы".

Яна: "Учитель. Он учит детей".

Даниил: "Космонавт, потому что открывает новые миры".

А я думаю, все профессии главные и очень важные. Если бы не было докторов, то люди бы умирали от самых разных болезней. Кто нам предсказывает погоду? Конечно, метеорологи. Капитанам и летчикам сводка погоды нужна для работы, а нам – чтобы правильно одеться, когда выходишь из дома.

Учитель! Разве не главная профессия? Возьмем хотя бы нас. Любовь Ивановна научила нас писать, читать и считать. Татьяна Лукинична преподает нам английский язык. Ольга Викторовна рассказывает о животном мире и растениях, почвах. Учитель – очень важная профессия!

Бухгалтеры, космонавты, строители, продавцы, шоферы... Как можно обойтись без их труда? Но мне почему-то кажется, все же самыми-самыми главными в XXI веке будут профессии экологов, защитников природы, спасателей.

Люди придумывали разные машины, осваивали земли, убивали зверей, чтобы шить красивые шубы и шапки. Думали, что для пользы, а может, и не думали совсем, но то, что разрушили, восстановить труднее.

Природа в опасности! Реки загрязнены, леса вырублены, многие животные и растения занесены в Красную книгу. А как же тогда будут жить наши дети, внуки? Что мы оставим для них?

Наша планета такая красивая и удивительная, и я думаю, беречь ее, сохранять – самое главное дело на Земле.

Журналист меняет профессию

Когда-то известный журналист Михаил Кольцов менял профессию для того, чтобы написать правдивые очерки, зарисовки о людях разных профессий. Рассказывая, например, о таксистах, он описывал нравы пассажиров, места, мимо некоторых проезжал, ситуации, в которых оказывался, но главное - как-то очень точно видел суть работы, которую делал, и мне кажется, даже увлекался ей, так входил в роль, что читаешь его произведения и не веришь, что все было задумано ради написания материала.

Наверное, так и работают настоящие профессионалы. Я бы тоже хотел им стать. У меня есть мечта – поступить на отделение журналистики в Иркутский государственный университет. Я бы хотел научиться писать и говорить о разных проблемах так, чтобы другие люди, размышляя о них, находили решения. Например, о наркомании, жестокости, насилии... Если честно, я бы уже сейчас хотел попробовать написать про молодежные тусовки. Многие считают, что там наркоманы, алкоголики... Но это вовсе не так. Почти все из них имеют высшее образование, пишут стихи, музыку, сочиняют песни, которые и поют, очень хорошо рисуют...

У меня пока не получается написать так хорошо, чтобы изменить чужое мнение, потому что не хватает опыта и профессиональных знаний о композиции, особенности стиля. Но вообще идей у меня много: я бы хотел поработать интересно, одним из первых видеть, как просыпается город. Хоть и говорят, что у дворника работа физическая, грязная, но, мне кажется, среди них есть романтики. Они многое подмечают, видят, о многом думают и размышляют.

А еще я хотел бы рассказать о фонарщиках. Когда я был маленьким, думал, что какой-то человек ходит от фонаря к фонарю и зажигает их, но оказалось, что это не так. Я хотел бы освоить разные компьютерные программы, чтобы писать о людях, которые их создают, хотел бы больше знать о биологии и химии... Понятно, что невозможно знать все и обо всем, но журналист – профессия особая.

В наш дом часто приходят друзья, почти все они – журналисты. Они рассказывают, как трудно писать о том, что нужно понимать, чувствовать то, над чем работаешь. Валерий Почекунин работает главным редактором в телекомпании “АИСТ”. Он много знает о политике, много читает, слушает, а еще очень интересно может рассказать о футболе и нередко проводит свободное время на футбольном поле. Он пишет о футболистах хорошо потому, наверное, что сам знает, что такое тренировки, сколько они отнимают сил и времени, чувствует азарт игры... У него есть чему поучиться. И вообще, если ставить себя на место другого человека, в том числе и человека другой профессии, можно увидеть то, что со стороны кажется совсем иным, можно лучше узнать и понять жизнь.

Творцы искусства

Я несколько раз был в Эрмитаже и замечал, в каком восхищении люди смотрят на картины великих художников. Я уверен, что большинство из этих людей – настоящие ценители искусства. Но, к сожалению, некоторые из них, выбрав для себя классические виды искусства, такие как живопись, литература или театр, не признают современные виды, связанные с научно-техническим прогрессом. Я имею в виду автомобильный дизайн. Основной аргумент, который они приводят, заключается в том, что автомобиль – это материальное благо, и ему нечего делать рядом с искусством. Я с этим мнением категорически не согласен.

Начнем с того, что автомобиль – это не просто куча железа и пластика, средство передвижения или роскошь. На него можно посмотреть и с других сторон. Во-первых, ни для кого не секрет, что автомобилестроение – одна из наиболее динамично развивающихся отраслей мирового производства. И те страны, которые обладают данной развитой отраслью, имеют с этого немалую прибыль, что укрепляет экономику страны. Но при всех равных условиях больше прибыли получит тот производитель, который заботится не только о качестве своей продукции, но и о ее внешнем виде. Представьте себе: вы пришли покупать машину и перед вами две модели с одинаковыми двигателями и качеством сборки, но одна чуточку красивее другой. Какую же вы предпочтете? Я уверен, что ту, которая красивее. Это доказывает, что автомобильный дизайнер – одна из важнейших профессий в автомобилестроении, а значит, и в жизни страны.

И еще одно: хороший автомобиль начинается, прежде всего, с экстерьера, именно так называют автолюбители внешность машины, и те, кто ее создают, на мой взгляд, творят произведения искусства, достойные признания не меньше, чем картины Рембранта. Искусство – это то, что может создать только человек, обладающий талантом, то есть далеко не каждый. Вы часто ходите по улицам и ежедневно видите сотни машин. Выберите для себя одну, опираясь не на ее престиж и цену, а на ее внешность, присмотритесь к ней повнимательней и подумайте, можете ли вы сами создать что-нибудь подобное и изобразить это хотя бы карандашом на бумаге. Я думаю, не сможете, потому что создать красивый автомобиль и воплотить свое создание в металле может только талантливый человек. И это доказывает, что профессия автомобильный дизайн действительно является искусством, которому уделяется несправедливо мало внимания.

Из этого всего можно сделать вывод, что профессия автомобильного дизайнера – творца искусства, играющего огромную роль в жизни своей страны – имеет полное право называться профессией XXI века.

Тропы войны иркутских кондукторов

(Почему работники транспорта не любят хоккей с мячом)

Ежедневно на троллейбусные линии города выходит около ста двадцати кондукторов – выходят, как на тропу войны. Я пришел к этому выводу, побывав в троллейбусном депо и послушав рассказы об их трудовых буднях.

Цветочки

Распорядок дня немудреный: в районе пяти часов утра – на работу. Есть служебный транспорт: например, из аэропорта он идет в 4.00, с Синюшиной горы – в 4.20. А если ты живешь в каком-нибудь Ново-Ленино, то извини, ничем помочь не можем. Добирайся сам и терпи – издержки профессии... Троллейбус всю ночь стоит на улице (площади не позволяют ставить все машины в гараж), зимой это как правило минус 30 градусов по Цельсию. У водителя в его небольшой кабине есть печка, полчаса – и воздух нагревается, а в салоне ничего такого не предусмотрено (используемые в Иркутске троллейбусы не предназначены для иркутских морозов). Пассажир заходит, с горем пополам платит четыре рубля, мерзнет несколько остановок у заиндевелого окна, а потом выходит. Кондуктор ходит по этому салону, как ищущая успокоения душа, полновесные двадцать часов. Под конец рабочего дня пальцы отказываются слушаться, окончательно замерзнув.

“Зимой у нас очень много народу болеет, – сказала мне заместитель начальника по эксплуатации троллейбусного депо Ольга Агафонова, – из 176 кондукторов по тридцать человек берут больничный”.

Как заправские Шерлоки Холмсы, кондукторы четко определяют, настоящий перед ними документ на льготный проезд или нет. Ольга Владимировна протягивает мне проездной со словами: “Вот этот – фальшивый”. Сколько я ни рассматривал, определить, в чем его фальшивость, не смог. “Во-первых, отпечатан на ксероксе. Вы потрогайте, у него даже бумага не такая... Во-вторых, нет водяных знаков. А в-третьих, печать, поставленная с другой стороны проездного, не принадлежит Горэлектротрансу. Наверное, какой-нибудь народный умелец нарисовал. А потом продал по дешевке свой художественный и ксероксный шедевр”. Подобные фальшивки, а также множество других их разновидностей, хранятся здесь пачками. Пассажиры умудряются подделывать даже не так давно введенные в употребление пластиковые вкладыши. Впрочем, как правило, все это заканчивается одинаково – липу изымают. Но подделки и морозы – цветочки по сравнению с нашими жадинами, пьяницами и наркоманами, коим, как известно, тоже нужно пользоваться общественным транспортом.

Ягодки

“Да мне стыдно повторять те выражения, что они каждый день на нас выливают!” Это слова одного из старших кондукторов – непосредственной участницы ежедневных боев с пассажирами. Попытки выяснить, какие же это слова (не для печати, а лишь в целях самообразования), не

имели никакого результата.

Каких только историй не случается в течение рабочего дня. Однажды, например, некая гражданочка с невозмутимым видом показала ученический билет... за 1975 год (где она только раскопала эту реликвию!). А когда его конфисковали, стала громко возмущаться, доказывать свои права и призывать все кары небесные на головы проклятых кровососов-кондукторов. Если говорить проще, начала материться, подробно объясняя несчастному контролеру, кто он, кто его родители и откуда он родом...

После подобных потрясений кулаками “незаслуженно” обиженные пассажиры обычно пишут жалобу. Цитата: “... я требую, чтобы такую-то немедленно уволили в связи с тем, что она...”. Не хило требуют, правда? “Увольняют” кондукторов пассажиры каждый день или начинают грозиться “замочить”, запугивая своими обширными блатными связями. К сожалению, у нашего народа в запасе не только крепкие словечки имеются – иногда кондукторов (а они в большинстве своем женщины) могут угостить и не менее крепким кулаком. “У нас тут бабушка есть – божий одуванчик, Матрена Петровна Монастырлы. Ей 66 лет. Так эту бабушку не так давно один молодой человек по голове пивной бутылкой отварил... Бабушку в травмпункт увезли... Частенько домой с синяками приходим...”. Есть кондукторы, которые относятся к этому философски: матерится пассажир, руками машет – да и черт с ним. А те, кто погорячее, иногда не выдерживают.

Самым страшным испытанием считается нести вахту в те дни, когда в Иркутске играет “Сибскана” и транспорт заполнен ее почти всегда нетрезвыми болельщиками. В позапрошлые выходные, например, избил водителя троллейбуса. Не захотел мужчина выслушать те эпитеты, которыми его так щедро одарили, вышел из кабины... Вот и получил свое. Палкой. Ну, а что уж говорить о кондукторах, которые среди этих весельчаков всю дорогу толкаются. Не любят работники Горэлектротранса хоккей с мячом. Ну никак не любят.

Средняя зарплата на этой тяжелой работе – 1600 рублей, включая премии и все прочее. И выдают ее теми самыми деньгами, что привозят кондукторы со смены. Представляете себе, что такое полторы тысячи рублей монетами достоинством в 1, 2 и 5 рублей? Достаточно массивная сумма в прямом смысле этого слова. А есть те, кто живет исключительно на “гонорары”: на пять процентов, что им полагаются с продажи билетов. Чтобы заработать пятнадцать рублей, нужно продать сто билетов. За двенадцатичасовую смену выходит в общей сложности рублей сорок, которые еще нужно донести до дома по ночному городу. Чтобы на следующее утро снова выйти на свою “тропу войны”...

17 часов 15 минут.

Все ученики встали, умолкли, как положено, хотя и без видимого удовольствия.

- Здравствуйте, сегодня у нас...

Тут в кабинет, постучавшись предварительно, вошла завуч по воспитательной работе Алла Александровна.

- Григорий Борисович, извините, можно мне сделать объявление? Ребята, завтра в актовом зале в час дня состоится лекция про Колчака, читать будет профессор исторических наук Ковалёв. Приходите все, лекция очень интересная, бесплатная, - и ушла.

Класс загалдел.

- Ништяк, пойдём поугараем!

- А кто это такой?

- Деревня! Ты Колчака не знаешь? Ты пиво-то какое всегда пьёшь?

- В натуре, «Адмирал Колчак». А кто он такой был?

- Наверно, первый хозяин нашего пивзавода, ещё до октябрьского переворота...

Григорий Борисович тут не удержался. Надо бы этот разговор замять и к теме урока перейти, а он не удержался. Говорит:

- Вы это шутите или серьёзно? Вы историю-то изучаете? Из вас хоть кто-нибудь знает, кто такой был Александр Васильевич Колчак?

- Соратник Ленина!

- Это из гражданской войны, кажется, командир красных партизан...

- Гонишь, Колчак - великий полководец! Он с Суворовым через Альпы переходил...

- Нет, он же адмирал. Кажется, он Аляску открыл...

- Он, кажется, родился у нас...

- Нет, он у нас утонул...

- Как утонул? По пьяному делу, что ли?

- Пива перепил...

Саша Серебряников, почти отличник, встал и говорит, важно так, себе цену знает:

Адмирал Колчак - это вождь белогвардейцев в гражданскую войну. Его красные расстреляли в 1919 году, кстати, в нашем городе. А еще он был знаменитым полярником и одним из лучших адмиралов. Его труды даже при советской власти изучали...

- Ну ты, Саня, профессор, в натуре!

Григорий Рейнгольд

Отрывки из повести

«Один день

Григория

Борисовича»

Большинство учеников явно не ожидали такого от своего товарища и кто-то сказал учителю:

- А вы говорите, что мы ничего не знаем!

- Да знает то один всего человек, вы тут причём? А кто красное движение возглавлял, знаете? Ты, Саша, пожалуй и знаешь, а другие?

- А зачем нам это знать, от этого бабок не прибавится. Если бы мне штуку баксов дали, то я бы всё сразу выучил!

- Вы нас тут, короче, напрягаете, учиться заставляете, мораль читаете, а сами жизни не знаете совсем! Знания ваши уже никому не нужны давно. Сейчас всё деньги решают. Да ещё связи. А на знания всем наплевать. В вузы поступят не те, кто старается учиться, а у кого связи или за кого бабки большие заплачат, и на работу хорошую возьмут не умных, а у кого блат или кто больше сунет.

- А мне обо всём этом беспокоиться не надо. Я сейчас в высшей лиге играю, у меня зарплата два лимона. Это мало, конечно, но мастера скоро получу, три-четыре лимона будет выходить. В Экономическую Академию меня как спортсмена возьмут на бесплатное, а когда из спорта уйду, на клёвую работу пристроят, членом правления банка или специалистом gubernского департамента, там уже много наших ребят, - важно сказал Алексей Федоренко.

Он за баскетбольную команду «Металлург» играет в высшей лиге. На занятиях редко бывает, всё игры, тренировки, перелёты. В учёбе ни в зуб ногой, но как спортсмена известного его тянут. Держится, правда, солидно, со шпаной сильно не водится.

- А у моего друга брат крупный авторитет...

- Да погодите вы! Кто мне объяснит, как вы будете работать, деньги зарабатывать, наконец? Без знаний кому вы будете нужны?..

- Да сейчас самое главное - пристроиться хорошо, к своим людям, а вкалывают только лохи!

- Ха-ха!.. Точно!

- Да вот вас взять, Григорий Борисович! Вы совсем жить не умеете, вы в школе от темна до темна, а получаете сколько? Вы на себя в зеркало посмотрите, совсем дошли, вы сегодня хоть ели толком?.. А нас ещё жить учите!

- Погодите, ну ладно, допустим, брат друга, авторитет, как вы говорите, куда -нибудь его пристроит. Но ведь брата рано или поздно посадят, а без брата он кому будет нужен?..

- Да вы что? Его брат большой человек, его никогда не посадят, у него «крыша» знаете какая!..

- Вас самих посадят, если будете на больших людей наезжать...

- Вот именно!

Класс галдел, каждый говорил что-то своё, но почти одно и то же. Тут Федоренко сказал:

- Погодите, пацаны, у вас тоже неправильный базар, так тоже говорить нельзя, что учёба ни к чему, учёба по любому нужна. Вот ты прикинь, Серый, будешь, допустим, кроссворд разгадывать, а там как раз вопрос про этого Колчака или ещё чего-нибудь. Ты что, бабки будешь платить, чтобы тебе кроссворд разгадывали? Самому же интересно! Вот тут знания и пригодятся. Мы когда на игру летим, всегда кроссворды отгадываем...

- А в натуре...

- Кончай базар, - наконец вмешался Григорий Борисович, - работать надо...

Он хотел возразить по существу на всю эту чушь, но никак не мог найти нужных слов.

Отзывы на рассказ «Трезорка»

В этом выпуске альманаха мы публикуем несколько писем-отзывов, пришедших к нам от учениц 9 класса школы № 30 г.Иркутска на рассказ В.Мартыненко «Трезорка», который был опубликован в № 2 (6) «Первоцвета».

Как часто мы задумываемся над нашим отношением к четвероногим друзьям? В жизни бывают ситуации, когда трудно что-то предпринять, как бы находясь «между двух огней». Такая же ситуация описана в рассказе Валентины Мартыненко «Трезорка». Не знаю, была ли эта история в действительности или это чистой воды вымысел, но она просто поразила меня!

Ну как можно просто так бросить собаку, которая прожила с Алешей и его бабушкой несколько лет, охраняя и защищая их! Я, конечно, понимаю положение бабушки: и соседство со столь гордой особой и однокомнатная квартира, - но ведь можно же было решить проблему с Трезоркой как-то иначе!

Если и не брать его в квартиру, то можно было отдать знакомым или, к примеру, построить для него будку возле дома!

Я знаю, что Алеша ничем не мог помочь псу.

И я испытываю презрение к человеку с ружьем! Он УБИЛ собаку!

А бабушкины слова, что Трезорка - «это не человек», полностью противоречат моему пониманию смысла жизни. С какой человеческой преданностью был привязан Трезор к Алеше! И на этой собаке с человеческой душой и человеческим сердцем нужно поставить крест...

Анастасия Крюкова

Я долго думала, что написать, и решила, что соседи мне не понравились, так как из-за них погибла собака. Да это не животное и не человек, они нелюди! Я, конечно, понимаю, что людям нужно выспаться, но не такой же ценой добиваться покоя.

Да и Леша тоже какой-то не такой: мог бы закрыть пса собой или кинуть камнем в этого... соседа, или броситься на него с кулаками, а не кричать, как (пардон!) идиотчик: «Дяденька, не стреляйте!». Несчастное животное погибло из-за своей любви и преданности.

Автор рассказа «Трезорка» поднимает здесь очень важную тему защиты братьев

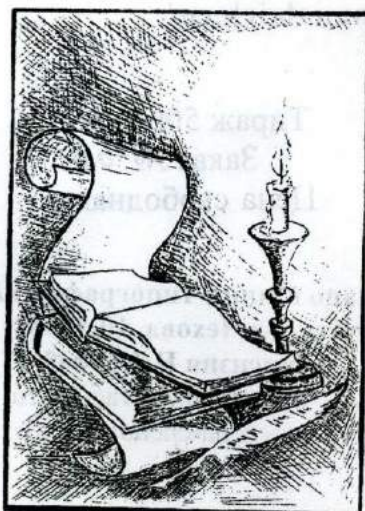
наших меньших от братьев (и сестер) старших. Но ведь не все люди такие злые, многие обожают животных, и им тяжело это читать, а до тех, кто их не любит, простым рассказом не достучаться.

Марина Татарникова

Пусть этот Трезор - просто собака, но стоит ли судить его, как обычное безумное животное, и убивать из-за того, что он просто тосковал? Эти люди не задумывались, что хоть это и собака, но она также имеет право жить, имеет право на то, чтоб у нее были друзья, любить их и быть любимой. Если она выла под окном этого мальчика, то, может, потому что она догадывалась, чувствовала, что останется одна, не будет никому нужна. Ведь люди тоже порой плачут точно так же, как и собаки, но дело в том, что это не грех, и их за это не убивают, а просто стараются помочь, успокоить. Но ведь «собака - это не человек», в этом была уверена бабушка.

Она сказала мальчику слова, которые, может, сейчас, пока он маленький, не встревожили его сердца и души, но, может, однажды, уже будучи взрослым, он придет на маленькую могилку любимой собаки, которая была верна ему до последнего, так любила его и понимала, как, наверное, не сможет понять ни один человек на этом свете....

Дарья Маненко

Первоцвет №1 (8)

Литературно-художественный альманах для юношества

Гл. редактор *А.С. Стародубцева*

Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет» *сердечно благодарят оперативную типографию «на Чехова» за спонсорскую помощь в издании альманаха, понимание и поддержку.*

Альманах зарегистрирован В Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Адрес редакции: 664011, Иркутск, ул.Чехова, 10, тел. 27-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

Электронную копию альманаха «Первоцвет» вы можете найти в Интернете по адресу:

<http://almanah.irk.ru/>

Тираж 500 экз.

Заказ № **53**

Цена свободная

Отпечатано в мини-типографии «*На Чехова*»

г.Иркутск, ул.Чехова, 10, (3952) 27-33-56

Лицензия ПЛД №40-37

E-mail: chehova@irk.ru

www.na-chehova.irk.ru